

Английский язык с В. Ирвингом. Рип ван Винкль

Washington Irving

RIP VAN WINKLE

Легенду адаптировала **Евгения Мерзлякова**

Метод чтения Ильи Франка

Whoever has made a voyage up the Hudson (тот, кто: «кто бы ни» совершал путешествие вверх по Гудзону; *Hudson* ['hʌdsən]) must remember the Kaatskill mountains (должно быть, помнит Каатскиллские горы). They are a disremembered branch of the great Appalachian family (они являются дальним: «забытым» отрогом великой семьи Аппалачей; *to remember* [rɪ'membə] — *помнить*; *branch* [brɑ:ntʃ] — *ветка*; *Appalachian* ['æpə'leɪʃən]), and are seen away to the west of the river (и видны далеко к западу от реки; *to see* [si:] — *видеть*), swelling up to a noble height (возвышаясь на значительную высоту; *to swell up* [swel ʌp] — *возвышаться, подниматься*; *noble* ['nəʊbl] — *благородный; величавый, значительный*), and lording it over the surrounding country (и господствуя над окружающей местностью; *to lord it* [lɔ:d ɪt] — *командовать*). Every change of season (каждое изменение времени года), every change of weather (погоды), indeed (на самом деле), every hour of the day (каждый час дня), produces some change in the magical hues and shapes of these mountains (производит некоторое изменение в волшебных оттенках и формах этих гор), and they are regarded by all the good wives (они рассматриваются всеми хорошими хозяйками; *to regard* [rɪ'ga:d] — *рассматривать, считать*; *wife* [waɪf] — *жена*), far and near (/живущими/ далеко и близко) as perfect

barometers (как прекрасные барометры: *perfect* ['pə:fɪkt] — безупречный, идеальный).

Whoever has made a voyage up the Hudson must remember the Kaatskill mountains. They are a disremembered branch of the great Appalachian family, and are seen away to the west of the river, swelling up to a noble height, and lording it over the surrounding country. Every change of season, every change of weather, indeed, every hour of the day, produces some change in the magical hues and shapes of these mountains, and they are regarded by all the good wives, far and near as perfect barometers.

When the weather is fair and settled (когда погода ясна и устойчива), they are clothed in blue and purple (они одеты в голубое и пурпурное; *to close* [kləʊz] — закрывать; одевать), and print their bold outlines on the clear evening sky (и отпечатывают свои четкие контуры на чистом вечернем небе; *bold* [bəʊld] — смелый; четкий); but, sometimes (но, иногда), when the rest of the landscape is cloudless (когда остальная /часть/ ландшафта безоблачна), they will gather a hood of gray vapors about summits (они собирают шапку серых туманов вокруг вершин; *will* [wɪl] — здесь глагол, указывающий на повторяющееся действие; *hood* [hʊd] — капюшон; шапка /пены, тумана или облаков/, *vapor* ['veɪpə] — пар, туман), which, in the last rays of the setting sun (которые в последних лучах заходящего солнца), will glow and light up like a crown of glory (горят и сияют, как венец славы; *to light up* [laɪt ʌp] — здесь светиться, сиять; *crown* [kraʊn] — венок; корона).

When the weather is fair and settled, they are clothed in blue and purple, and print their bold outlines on the clear evening sky; but, sometimes, when the rest of the landscape is cloudless, they will gather a hood of gray vapors about summits, which, in the last rays of the setting sun, will glow and light up like a crown of glory.

At the foot of these fairy mountains (у подножья этих сказочных гор), the voyager may have descried the light smoke curling up from a village (путешественник, возможно, заметил легкий дымок, вьющийся над деревней: досл. «поднимающийся клубами вверх от деревни»; *to descry* [disk'rai] — рассматривать, замечать), whose shingle roofs gleam among the trees (чья покрытые дранкой крыши поблескивают среди деревьев; *shingle* [ʃɪŋl] — кровельная дранка), just where the blue tints of the upland melt away into the fresh green of the nearer landscape (как раз /там/, где голубые тона нагорья переходят в свежую зелень ближнего ландшафта; *to melt away* [melt ə'wei] — таять исчезать из виду). It is a little village (это маленькая деревня), of great antiquity (большой древности; *antiquity* [æn'tɪkwɪti] — древность; старина), having been founded by some of the Dutch colonists (основанная кем-то из голландских колонистов; *the Dutch* [dʌtʃ] — мн.ч. нидерландцы; голландцы); in the early times of the province (в раннюю пору /существования/ провинции), just about the beginning of the government of the good Peter Stuyvesant (приблизительно в начале правления доброго Питера Стойвесанта: «Стьювезента»), (may he rest in peace (пусть он покоится с миром)!) and there were some of the houses of the original settlers standing within a few years (и в течение нескольких лет /там/ стояли некоторые из домов первых поселенцев: «и были некоторые из домов первоначальных поселенцев, стоявшие в течение нескольких лет»), built of small yellow bricks brought from Holland (построенные из маленьких желтых кирпичей, привезенных из Голландии; *to bring* [brɪŋ] — *brought* [brɔ:t] — *brought* — приносить; привозить), having latticed windows and gable fronts (имеющие решетчатые окна и остроконечные фасады), surmounted with weather-cocks (увенчанные флюгерами в виде петушков).

At the foot of these fairy mountains, the voyager may have descried the light smoke curling up from a village, whose shingle roofs gleam among the trees, just

where the blue tints of the upland melt away into the fresh green of the nearer landscape. It is a little village, of great antiquity, having been founded by some of the Dutch colonists; in the early times of the province, just about the beginning of the government of the good Peter Stuyvesant, (may he rest in peace!) and there were some of the houses of the original settlers standing within a few years, built of small yellow bricks brought from Holland, having latticed windows and gable fronts, surmounted with weather-cocks.

In that same village (в той самой деревне), and in one of these very houses (и в одном из этих самых домов) (which, to tell the precise truth (который, по правде говоря: «говоря точную правду»)), was sadly time-worn and weather-beaten (был ужасно обветшалый: «изношенный от времени» и потрепанный погодой; *sadly* ['sædli] — печально; достойно сожаления; ужасно; *to wear* [weə] — wore [wɔ:] — worn [wɔ:n] — носить; снашиваться; *to beat* [bi:t] — beat [bi:t] — beaten [bi:tn] — бить; колотить), there lived many years (там жил многие годы) since (с тех пор), while the country was yet a province of Great Britain (как эта местность была еще провинцией Великобритании), a simple good-natured fellow (простой добродушный парень), of the name of Rip Van Winkle (по имени Рип ван Винкль). He was a descendant of the Van Winkles (он был потомком тех ван Винклей; *descendant* [dr 'sendənt] — потомок) who figured so gallantly in the chivalrous days of Peter Stuyvesant (которые проявили себя так смело в рыцарскую пору Питера Стойвесанта; *to figure* ['figə] — появляться, фигурировать; играть заметную роль; *gallantly* ['gæləntli] — элегантно; роскошно; храбро; *chivalrous* ['ʃiv(ə)lrəs]), and accompanied him to the siege of Fort Christina¹ (и сопровождали его при осаде форта Христина). He inherited, however (он унаследовал, однако), but little of

¹ Fort Christina [fɔ:t kris'tinə] — форт Христина — первое шведское поселение в Северной Америке, построенное в 1638 г., и названное в честь шведской королевы.

the martial character of his ancestors (мало от воинственного характера своих предков; *ancestor* [ˈænsɪstə] — предок, прародитель).

In that same village, and in one of these very houses (which, to tell the precise truth, was sadly time-worn and weather-beaten), there lived many years since, while the country was yet a province of Great Britain, a simple good-natured fellow, of the name of Rip Van Winkle. He was a descendant of the Van Winkles who figured so gallantly in the chivalrous days of Peter Stuyvesant, and accompanied him to the siege of Fort Christina. He inherited, however, but little of the martial character of his ancestors.

I have observed (я уже замечал; *to observe* [əbˈzə:v] — наблюдать; замечать) that he was a simple good-natured man (что он был простым добродушным человеком); he was, moreover (он являлся, кроме того), a kind neighbor (хорошим соседом; *neighbor* [ˈneɪbə] — сосед), and an obedient hen-pecked husband (и послушным, забитым: «заклеванным курицей» мужем; *obedient* [əˈbɪdɪənt] — послушный; *to be hen-pecked* [biː ˈhen pekt] — быть под каблуком). Indeed (на самом деле), to the latter circumstance might be owing (этому последнему обстоятельству, должно быть, обязана; *circumstance* [ˈsə:kəmstəns] — обстоятельство) that meekness of spirit which gained him such universal popularity (та кротость духа, которая завоевала ему такую всеобщую популярность); for those men are most apt to be obsequious and conciliating abroad (так как те люди более всего склонны быть подобострастными и располагающими /к себе/ вне дома; *obsequious* [əbˈsi:kwiəs] — подобострастный, раболепный; *to conciliate* [kənˈsɪliət] — снискать доверие, дружбу; успокаивать, примирять; *abroad* [əˈbrɔ:d] — за границей; устар. вне дома), who are under the discipline of shrews at home

(которые дома подчиняются сварливым женам: «кто находится под контролем сварливых жен дома»; *shrew* [ʃru:] — *землеройка; здесь сварливая жена, ведьма*). Their tempers, doubtless (их нрав, без сомнения; *to doubt* [daʊt] — *сомневаться*), are rendered pliant and malleable in the fiery furnace of domestic tribulation (перетапливается в жарком горниле домашних невзгод до мягкости и уступчивости: «становится мягким и уступчивым в горячей печи домашних страданий»; *to render* [ˈrendə] — *воздавать; изменять; malleable* [ˈmæliəbl] — *ковкий; податливый; мягкий, послушный; furnace* [ˈfə:nɪs] — *горн, очаг; топка*); and a curtain lecture (и выговор, получаемый мужем от жены: «скрытая нотация»; *curtain* [ˈkə:tn] — *занавеска*) is worth all the sermons in the world (стоит всех проповедей в мире) for teaching the virtues of patience and long-suffering (в смысле наставления в добродетели терпения и кротости: «долгострадания»). A termagant wife may, therefore, in some respects, be considered a tolerable blessing (поэтому, в некоторых отношениях, сварливая жена может считаться довольно сносным благом: «сварливая жена может, поэтому, в некоторых отношениях, рассматриваться как сносное благословение»; *termagant* [ˈtə:məɡənt] — *грубая, сварливая; tolerable* [ˈtɒlərəbl] — *терпимый; сносный; blessing* [ˈblesɪŋ] — *благословение; благо, благодеяние*); and if so (и если так), Rip Van Winkle was thrice blessed (Рип ван Винкль был трижды благословлен; *thrice* [θraɪs] — *трижды*).

I have observed that he was a simple good-natured man; he was, moreover, a kind neighbor, and an obedient hen-pecked husband. Indeed, to the latter circumstance might be owing that meekness of spirit which gained him such universal popularity; for those men are most apt to be obsequious and conciliating abroad, who are under the discipline of shrews at home. Their tempers, doubtless, are rendered pliant and malleable in the fiery furnace of domestic tribulation; and a curtain lecture is worth all the sermons in the world for teaching the virtues of

patience and long-suffering. A termagant wife may, therefore, in some respects, be considered a tolerable blessing; and if so, Rip Van Winkle was thrice blessed.

Certain it is (несомненным является /то/; *certain* ['sə:tn] — *точный, определенный; верный, бесспорный*), that he was a great favorite among all the good wives of the village (что он был большим любимцем всех добрых хозяек этой деревни; *favorite* ['feivərit] — *фаворит; любимчик*), who, as usual, with the amiable sex (которые: «кто», как обычно /это бывает/, с прекрасным полом; *amiable* ['eɪmiəbl] — *дружелюбный; любезный; привлекательный*), took his part in all family squabbles (принимали его сторону во всех семейных пререканиях; *squabble* [skwɔbl] — *пререкания, спор, мелкая ссора*); and never failed (и никогда не переставали), whenever they talked those matters over in their evening gossipings (когда бы они /ни/ обсуждали эти дела во время своих вечерних пересудах), to lay all the blame on Dame Van Winkle (возложить всю вину на хозяйку ван Винкль; *to lay* [leɪ] — *laid* [leɪd] — *laid* — *класть; положить*; *Dame* [deɪm] — *устар. хозяйка дома; жена или дочь лорда*). The children of the village, too (дети деревни тоже), would shout with joy whenever he approached (бывало, кричали от радости всякий раз, когда он /к ним/ приближался; *would* — *здесь глагол, обозначающий повторяющееся действие*).

Certain it is, that he was a great favorite among all the good wives of the village, who, as usual, with the amiable sex, took his part in all family squabbles; and never failed, whenever they talked those matters over in their evening gossipings, to lay all the blame on Dame Van Winkle. The children of the village, too, would shout with joy whenever he approached.

He assisted at their sports (он помогал /им/ в их играх), made their playthings (делал их игрушки), taught them to fly kites and shoot marbles (учил их запускать воздушных змеев и кидать мраморные шарики; *to teach* [ti:tʃ] — *taught* [tɔ:tʃ] — *taught* — учить), and told them long stories of ghosts (и рассказывал им длинные истории о привидениях; *to tell* [tel] — *told* [təʊld] — *told* — говорить; рассказывать; *ghost* [gəʊst] — призрак, привидение), witches (ведьмах), and Indians (и индейцах). Whenever he went dodging about the village (когда бы он /ни/ ходил туда-сюда по деревне; *to dodge* [dɒdʒ] — увертываться; плутовать; прятаться; двигаться взад и вперед), he was surrounded by a troop of them (он был окружен их толпой), hanging on his skirts (висящих на его подоле; *skirt* [skɜ:t] — юбка; подол; окраина), clambering on his back (карабкающихся по его спине), and playing a thousand tricks on him with impunity (и безнаказанно обманывающих его тысячу раз: «и играющих над ним тысячу шуток с безнаказанностью»; *impunity* [ɪmp'ju:nɪti] — безнаказанность); and not a dog bark at him throughout the neighborhood (и ни одна собака ни лаяла на него по всей округе; *throughout* [θru(:)'aʊt] — через; повсюду; на всем протяжении).

He assisted at their sports, made their playthings, taught them to fly kites and shoot marbles, and told them long stories of ghosts, witches, and Indians. Whenever he went dodging about the village, he was surrounded by a troop of them, hanging on his skirts, clambering on his back, and playing a thousand tricks on him with impunity; and not a dog would bark at him throughout the neighborhood.

The great error in Rip's composition (большим недостатком в характере Рипа; *error* ['erə] — ошибка; пропуск) was an insuperable aversion to all kinds of profitable labor (было непреодолимое отвращение к любым видам полезного

труда; *aversion* [ə'vɜːʃn] — отвращение; антипатия; *labor* ['leɪ bə] — работа; труд). It could not be from the want of assiduity or perseverance (это не могло быть из-за недостатка рвения или упорства; *want of* [wɒnt əv] — недостаток; необходимость; *assiduity* [æsi'dʒu:ɪti] — прилежание, рвение; *perseverance* [ˌpɜːsɪ'veɪə(ə)ns] — настойчивость, упорство); for he would sit on a wet rock (так как он бывало сидел на мокром камне), with a rod as long and heavy as a Tartar's lance (с удочкой такой же длинной и тяжелой, как татарское копье), and fish all day without a murmur (и рыбачил весь день без ропота), even though he should not be encouraged by a single nibble (даже если он не был поощрен /даже/ единственной поклевкой; *should* [ʃʊd] — здесь модальный глагол, который употребляется в придаточных предложениях для выражения будущего времени, когда глагол в главном предложении стоит в прошедшем времени; при употреблении с 3-м лицом ед.ч. придает действию оттенок предостережения, обещания, угрозы). He would carry a fowling-piece on his shoulder for hours together (он бывало тащил охотничье ружье на плече долгими часами; *together* [tə'geðə] — вместе; непрерывно; воедино), trudging through woods and swamps (продираясь сквозь леса и болота), and up hill and down dale (и вверх по холму, и вниз в долину = по горам по долам), to shoot a few squirrels or wild pigeons (чтобы подстрелить несколько белок или диких голубей; *squirrel* [sk'wɪrəl] — белка).

The great error in Rip's composition was an insuperable aversion to all kinds of profitable labor. It could not be from the want of assiduity or perseverance; for he would sit on a wet rock, with a rod as long and heavy as a Tartar's lance, and fish all day without a murmur, even though he should not be encouraged by a single nibble. He would carry a fowling-piece on his shoulder for hours together, trudging through woods and swamps, and up hill and down dale, to shoot a few squirrels or wild pigeons.

He would never refuse to assist a neighbor even in the roughest toil (он никогда не отказывался помочь соседу даже в самом тяжелом труде; *rough* [rʌf] — грубый, жесткий; в односложных прилагательных, суффикс *-er* выражает сравнительную степень, суффикс *-est* — превосходную), and was a foremost man at all country frolics (и был самым первым человеком во всех деревенских забавах; *frolic* [ˈfrɒlɪk] — шалость, игра) for husking Indian corn (как лущение индейского зерна: «кукурузы»), or building stone-fences (или строительство каменных заборов); the women of the village, too (деревенские женщины тоже), used to employ him to run their errands (привыкли нанимать его бегать по их поручениям: «быть на посылках»), and to do such little odd jobs (и выполнять такие маленькие случайные поручения; *odd* [ɒd] — нечетный; случайный; необычный) as their less obliging husbands would not do for them (которые их менее услужливые мужья не делали для них). In a word Rip was ready to attend to anybody's business but his own (другими словами, Рип был готов заниматься чьим угодно делом, кроме своего собственного); but as to doing family duty (но, что касается выполнения семейных обязанностей), and keeping his farm in order (и поддержания своей фермы в порядке), he found it impossible (он находил это невозможным).

He would never refuse to assist a neighbor even in the roughest toil, and was a foremost man at all country frolics for husking Indian corn, or building stone-fences; the women of the village, too, used to employ him to run their errands, and to do such little odd jobs as their less obliging husbands would not do for them. In a word Rip was ready to attend to anybody's business but his own; but as to doing family duty, and keeping his farm in order, he found it impossible.

In fact (на самом деле: «фактически»), he declared it was of no use to work on his farm (он заявлял, /что/ было бесполезно работать на своей ферме: «не было никакой пользы в том, чтобы работать»); it was the most pestilent little piece of ground in the whole country (это был самый бесполезный маленький кусочек земли во всей стране; *pestilent* ['pestilənt] — ядовитый; тлетворный; наносящий ущерб; в двусложных и многосложных прилагательных сравнительная степень выражается прибавлением *more*, а превосходная — *most* к прилагательным в начальной форме); every thing about it went wrong (все, что его касалось, не удавалось: «выходило неправильно»), and would go wrong (и не будет удаваться; *would* — здесь используется для выражения будущего в прошедшем), in spite of him (несмотря на него). His fences were continually falling to pieces (его заборы постоянно разваливались на части; *continually* [kən'tɪnju:əli] — ежеминутно; непрерывно); his cow would either go astray (его корова либо сбивалась с пути; *to go astray* [əst'reɪ] — заблудиться), or get among the cabbages (или забиралась в капусту); weeds were sure to grow quicker in his fields than anywhere else (сорняки наверняка росли быстрее на его полях, чем где-либо еще); the rain always made a point of setting in just (дождь всегда собирался зарядить как раз тогда) as he had some out-door work to do (когда он должен был сделать работу снаружи) so that though his patrimonial estate had dwindled away under his management (таким образом, хотя его отеческое поместье сокращалось под его управлением; *patrimonial* [,pætri'məʊnjəl] — наследственный, потомственный), acre by acre (акр за акром; *acre* ['eɪkə] — акр, мера площади = 0,4 га), until there was little more left (до тех пор, пока не осталось немногим больше: «пока там было немного больше оставшимся») than a mere patch of Indian corn and potatoes (чем просто клочок кукурузы и картофеля), yet it was the worst conditioned farm in the neighborhood (все же это была самая плохо ухоженная ферма в округе; *bad* [bæd] — *worse* [wɜ:s] — *worst* [wɜ:st] — плохой; у этого прилагательного степени сравнения образованы от другого корня).

In fact, he declared it was of no use to work on his farm; it was the most pestilent little piece of ground in the whole country; every thing about it went wrong, and would go wrong, in spite of him. His fences were continually falling to pieces; his cow would either go astray, or get among the cabbages; weeds were sure to grow quicker in his fields than anywhere else; the rain always made a point of setting in just as he had some out-door work to do; so that though his patrimonial estate had dwindled away under his management, acre by acre, until there was little more left than a mere patch of Indian corn and potatoes, yet it was the worst conditioned farm in the neighborhood.

His children, too (его дети тоже), were as ragged and wild (были такими оборванными и растрепанными; *wild* [waɪld] — дикий; своевольный; растрепанный) as if they belonged to nobody (как будто они никому не принадлежали). His son Rip (его сын Рип), an urchin begotten in his own likeness (мальчишка, порожденный по его собственному подобию; *urchin* [ˈɜ:tʃɪn] — еж; мальчишка, пострел; *to beget* [br'get] — *begot* [[br'gɒt]] — *begotten* [br'gɒtn] — производить; рождать), promised to inherit the habits (обещал наследовать /его/ привычки), with the old clothes of his father (вместе со старой одеждой своего отца). He was generally seen (обычно видели, как он: «он обычно был виден») trooping like a colt at his mother's heels (бегущим, как жеребенок, по пятам матери; *to troop* [tru:p] — строить/ся/; направлять/ся/; ходить строем), equipped in a pair of his father's cast-off galligaskins (снаряженным в пару отцовских поношенных широких штанов; *cast-off* [ka:st ɒf] — ненужный; использованный; *to cast* [ka:st] — *cast* — *cast* — бросать; отдавать; направлять; *galligaskins* [,gæ lɪ'gæskɪnz] — широкие штаны /XVI-XVII вв./), which he had much ado to hold up with one hand (которые ему приходилось с большим трудом придерживать одной рукой;

ado [ə'du:] — *беспокойство; затруднение*), as a fine lady does her train in bad weather (как светская дама придерживает своей шлейф в плохую погоду; *train* [treɪn] — *поезд; шлейф*). Rip Van Winkle, however (Рип ван Винкль, однако), was one of those happy mortals (был одним из тех счастливых смертных), of foolish, well-oiled dispositions (глупого, покладистого: «хорошо-смазанного» нрава), who take the world easy (который принимает мир легко), eat white bread or brown (ест белый хлеб или черный: «коричневый»), whichever can be got with least thought or trouble (который можно достать с наименьшей мыслью или трудностью), and would rather starve on a penny (и будет скорее голодать на пенни) than work for a pound (чем работать за фунт).

His children, too, were as ragged and wild as if they belonged to nobody. His son Rip, an urchin begotten in his own likeness, promised to inherit the habits, with the old clothes of his father. He was generally seen trooping like a colt at his mother's heels, equipped in a pair of his father's cast-off galligaskins, which he had much ado to hold up with one hand, as a fine lady does her train in bad weather. Rip Van Winkle, however, was one of those happy mortals, of foolish, well-oiled dispositions, who take the world easy, eat white bread or brown, whichever can be got with least thought or trouble, and would rather starve on a penny than work for a pound.

If left to himself (если /он/ оставался наедине с собой; *to leave* [li:v] — *left* [left] — *left* — *оставлять, покидать*), he would have whistled life away in perfect contentment (он, бывало, просвистывал жизнь в прекрасном довольстве); but his wife kept continually dinning in his ears about his idleness (но его жена продолжала постоянно жужжать в его уши о его безделье; *to din* [dɪn] — *шуметь; надоедать, настойчиво повторять*), his carelessness (его

беспечности: «беззаботности»; *care* [kɛə] — *забота, уход*), and the ruin he was bringing on his family (и *упадке/крахе*, /который/ он навлекает на семью). Morning, noon, and night (утром, днем и вечером/ ночью), her tongue was incessantly going (ее язык непрерывно двигался; *incessantly* [ɪn'sesntli] — *непрерывно, непрестанно*), and every thing he said or did was sure to produce a torrent of household eloquence (и все: «каждая вещь», /что/ он говорил или делал, непременно производила поток домашнего красноречия; *eloquence* [ˈeləkw(ə)ns] — *красноречие, ораторское искусство*). Rip had but one way of replying to all lectures of the kind (Рип имел один способ отвечать на все проповеди этого рода), and that, by frequent use (и это из-за частого использования; *frequent* [ˈfri:kwənt] — *частый*), had grown into a habit (переросло в привычку; *to grow* [grəʊ] — *grew* [gru:] — *grown* [grəʊn] — *расти; становиться*). He shrugged his shoulders (он пожимал плечами), shook his head (тряс своей головой; *to shake* [ʃeɪk] — *shook* [ʃʊk] — *shaken* [ʃeɪkn] — *трясти, дрожать*), cast up his eyes (закатывал свои глаза), but said nothing (но ничего не говорил; *to say* [seɪ] — *said* [sed] — *said* — *сказать*). This, however (это, однако), always provoked a fresh volley from his wife (всегда провоцировало новый залп от его жены); so that he was fain to draw off his forces (таким образом, он был вынужден уводить свои войска; *to draw* [drɔ:] — *drew* [dru:] — *drawn* [drɔ:n] — *тащить, тянуть*), and take to the outside of the house (и отправляться за пределы дома; *to take* [teɪk] — *took* [tʊk] — *taken* [teɪkn] — *брать; отправляться /дорогой/*) — the only side which, in truth (к единственной стороне, которая, по правде), belongs to a hen-pecked husband (принадлежит забитому: «подкаблучному» мужу).

If left to himself, he would have whistled life away in perfect contentment; but his wife kept continually dinning in his ears about his idleness, his carelessness, and the ruin he was bringing on his family. Morning, noon, and night, her tongue was

incessantly going, and every thing he said or did was sure to produce a torrent of household eloquence. Rip had but one way of replying to all lectures of the kind, and that, by frequent use, had grown into a habit. He shrugged his shoulders, shook his head, cast up his eyes, but said nothing. This, however, always provoked a fresh volley from his wife; so that he was fain to draw off his forces, and take to the outside of the house — the only side which, in truth, belongs to a hen-pecked husband.

Rip's sole domestic adherent was his dog Wolf (единственным домашним сторонником Рипа был его пес Вольф; *adherent* [əd'hɪər(ə)nt] — приверженец, поборник, сторонник), who was as much hen-pecked as his master (который был настолько же забитым: «таким же подкаблучником», как его хозяин; сравнительный оборот *as* [əz] ... *as* указывает на тождественность сравниваемых объектов); for Dame Van Winkle regarded them as companions in idleness (ибо хозяйка ван Винкль рассматривала их как товарищей по безделью), and even looked upon Wolf with an evil eye (и даже смотрела на Вольфа злым глазом: «взглядом»; *to look upon* [lʊk əpən] — смотреть как на, считать за), as the cause of his master's going so often astray (как причину таких частых отлучек его хозяина; *evil* [i:vɪl] — зло; убыток; несчастье; порок). True it is (верно то, что), in all points of spirit befitting an honorable dog (во всех отношениях духа, приличествующих честной собаке; *honorable* [ˈɒnərəbl] — честный; уважаемый; достопочтенный), he was as courageous an animal as ever scoured the woods (он был таким храбрым животным, какой когда-либо рыскал по лесам; *courageous* [kə'reɪdʒəs] — бесстрашный, храбрый; *to scoure* [skaʊə] — мыть; очищать; рыскать) — but what courage can withstand the everduring and all-besetting terrors of a woman's tongue (но какая храбрость может противостоять постоянным и вездесущим нападкам женского языка)? The moment Wolf entered the house his crest fell (в тот момент, когда Вольф входил в дом, его холка опадала), his

tail dropped to the ground (его хвост опускался к земле), or curled between his legs (или закручивался между ног), he sneaked about with a gallows air (он крался с видом висельника; *to sneak* [sni:k] — красться; таиться; ускользать; *gallows* [ˈgæləvz] — виселица; приговор к смерти; висельник; *air* [ɛə] — воздух; ветерок; внешний вид), casting many a sidelong glance at Dame Van Winkle (бросая многочисленные косые взгляды на хозяйку ван Винкль), and at the least flourish of a broomstick or ladle (и при малейшем взмахе метлы или ковша; *flourish* [ˈflaɪʃ] — цветение; расцвет; завитушка; показательные движения; салют), he would run to the door with yelping precipitation (он, бывало, бежал к двери с тывкающей стремительностью).

Rip's sole domestic adherent was his dog Wolf, who was as much hen-pecked as his master; for Dame Van Winkle regarded them as companions in idleness, and even looked upon Wolf with an evil eye, as the cause of his master's going so often astray. True it is, in all points of spirit befitting an honorable dog, he was as courageous an animal as ever scoured the woods — but what courage can withstand the everduring and all-besetting terrors of a woman's tongue? The moment Wolf entered the house his crest fell, his tail dropped to the ground, or curled between his legs, he sneaked about with a gallows air, casting many a sidelong glance at Dame Van Winkle, and at the least flourish of a broomstick or ladle, he would run to the door with yelping precipitation.

Times grew worse and worse with Rip Van Winkle (условия жизни: «времена» становились все хуже и хуже для Рипа ван Винкля) as years of matrimony rolled on (как шли годы супружества); a tart temper never mellows with age (раздражительный нрав никогда не смягчается с возрастом), and a sharp tongue is the only edged tool (и острый язык является единственным заостренным инструментом) that grows keener with constant use (который становится острее от постоянного использования). For a long while he used to console himself (постоянно он привык утешать себя), when driven from home

(когда выгнанный из дома: «когда /его/ выгоняли из дома»; *to drive* [*draɪv*] — *drove* [*drəʊv*] — *driven* [*drɪvən*] — *везти; перевозить; гнать; преследовать*), by frequenting a kind of perpetual club of the sages (часто посещая разновидность вечного клуба мудрецов; *perpetual* [*pə'petʃʊəl*] — *бесконечный; вечный; пожизненный*), philosophers (философов), and other idle personages of the village (и других праздных личностей деревни); which held its sessions on a bench before a small inn (который проводил свои заседания на скамейке перед маленькой гостиницей), designated by a rubicund portrait of His Majesty George the Third (обозначенной: «висел в качестве знака» румяным портретом Его Величества Георга Третьего; *rubicund* [*'ru:bɪkənd*] — *румяный*).

Times grew worse and worse with Rip Van Winkle as years of matrimony rolled on; a tart temper never mellows with age, and a sharp tongue is the only edged tool that grows keener with constant use. For a long while he used to console himself, when driven from home, by frequenting a kind of perpetual club of the sages, philosophers, and other idle personages of the village; which held its sessions on a bench before a small inn, designated by a rubicund portrait of His Majesty George the Third.

Here they used to sit in the shade through a long lazy summer's day (здесь они привыкли сидеть в тени в течение долгого ленивого летнего дня), talking listlessly over village gossip (обсуждая вяло деревенские сплетни; *to talk over* [*tɔ:k 'əʊvə*] — *обсуждать*), or telling endless sleepy stories about nothing (или рассказывая бесконечные сонные истории ни о чем). But it would have been worth any statesman's money to have heard the profound discussions that sometimes took place (но услышать происходящие дискуссии стоило бы чиновнику за любые деньги: «но это бы стоило любых денег государственного деятеля услышать эти глубокие дискуссии, которые иногда имели место»), when by chance an old newspaper fell into their hands from some

passing traveller (когда случайно старая газета попадала им в руки от какого-то проезжавшего путешественника). How solemnly they would listen to the contents (как торжественно они слушали бывало содержание), as drawled out by Derrick Van Bummel (когда его протяжно читал Деррик ван Буммель; *to drawl* [*drɔ:l*] — *растягивать слова*), the schoolmaster (школьный учитель), a dapper learned little man (проворный ученый маленький человек; *dapper* [*ˈdæpə*] — *опрятный /об одежде/; проворный, резвый /обычно о людях небольшого роста/; learned* [*ˈlɜ:nɪd*] — *ученый, эрудированный; знающий, сведущий*), who was not to be daunted by the most gigantic word in the dictionary (которого не утрашало самое гигантское слово в словаре; *to daunt* [*dɔ:nt*] — *укрощать; устрашать, отпугивать*); and how sagely they would deliberate upon public events some months after they had taken place (и как мудро они размышляли об общественных событиях через несколько месяцев после того, как они произошли).

Here they used to sit in the shade through a long lazy summer's day, talking listlessly over village gossip, or telling endless sleepy stories about nothing. But it would have been worth any statesman's money to have heard the profound discussions that sometimes took place, when by chance an old newspaper fell into their hands from some passing traveller. How solemnly they would listen to the contents, as drawled out by Derrick Van Bummel, the schoolmaster, a dapper learned little man, who was not to be daunted by the most gigantic word in the dictionary; and how sagely they would deliberate upon public events some months after they had taken place.

The opinions of this junto were completely controlled by Nicholas Vedder (убеждения этого тайного союза были полностью под контролем Николаса Веддера; *junto* [*ˈdʒʌntəv*] — *тайный союз, клика*), a patriarch of the village (патриарха деревни; *patriarch* [*ˈpeɪtriɑ:k*] — *глава рода; патриарх*;

основатель), and landlord of the inn (и владельца гостиницы), at the door of which he took his seat from morning till night (у двери которой он занимал свое место с утра до вечера), just moving sufficiently to avoid the sun (только сдвигаясь в достаточной мере, чтобы избежать солнца; *sufficient* [s(ə)'fɪʃ(ə)nt] — достаточный, обоснованный; достаточное количество) and keep in the shade of a large tree (и держаться в тени большого дерева); so that the neighbors could tell the hour by his movements as accurately as by a sun-dial (так, что соседи могли определять время: «час» по его передвижениям так же точно, как по солнечным часам). It is true he was rarely heard to speak (правда, редко слышали, чтобы он говорил: «это правда, что он был редко слышим говорящим»; *to hear* [hiə] — *heard* [hə:d] — *heard* — слышать; услышать), but smoked his pipe incessantly (но беспрестанно курил свою трубку; *incessant* [ɪn'sesnt] — непрерывный, беспрестанный).

The opinions of this junto were completely controlled by Nicholas Vedder, a patriarch of the village, and landlord of the inn, at the door of which he took his seat from morning till night, just moving sufficiently to avoid the sun and keep in the shade of a large tree; so that the neighbors could tell the hour by his movements as accurately as by a sun-dial. It is true he was rarely heard to speak, but smoked his pipe incessantly.

His adherents, however (его сторонники, однако) (for every great man has his adherents (так как у каждого великого человека есть свои сторонники)), perfectly understood him (отлично понимали его; *to understand* [ˌʌndə'stænd] — *understood* [ˌʌndə'stʌd] — *understood* — понимать; смысливать; осознавать), and knew how to gather his opinions (и знали, как понимать его мнение; *to know* [nəʊ] — *knew* [nju:] — *known* [nəʊn] — знать; разбираться;

уметь; *to gather* ['gæðə] — собирать; накапливать; делать умозаключения). When any thing that was read or related displeased him (когда что-нибудь, что было прочитано или рассказано, вызывало его недовольство; *to relate* [ri'leit] — относиться; реагировать; рассказывать, повествовать; *to displease* [dis'pli:z] — навлекать на себя недовольство, вызывать недовольство; раздражать), he was observed to smoke his pipe vehemently (было видно, как он неистово курил свою трубку; *vehement* ['vi:ɪmənt] — сильный, неистовый, страстный); and to send forth short (и выпускал короткие), frequent and angry puffs (частые и сердитые клубы дыма; *puff* [pʌf] — дуновение; порыв; затяжка; клуб дыма); but when pleased (но, когда ему нравилось), he would inhale the smoke slowly and tranquilly (он вдыхал дым медленно и умиротворенно; *tranquil* ['træŋkwɪl] — спокойный, уравновешенный, мирный, безмятежный), and emit it in light and placid clouds (и выпускал его светлыми и спокойными клубами: «облаками»); and sometimes (и иногда), taking the pipe from his mouth (вынимая трубку изо рта), and letting the fragrant vapor curl about his nose (и позволяя ароматному дыму извиваться вокруг его носа), would gravely nod his head in token of perfect approbation (бывало, серьезно кивал головой в знак полного одобрения).

His adherents, however (for every great man has his adherents), perfectly understood him, and knew how to gather his opinions. When any thing that was read or related displeased him, he was observed to smoke his pipe vehemently; and to send forth short, frequent and angry puffs; but when pleased, he would inhale the smoke slowly and tranquilly, and emit it in light and placid clouds; and sometimes, taking the pipe from his mouth, and letting the fragrant vapor curl about his nose, would gravely nod his head in token of perfect approbation.

From even this stronghold (даже из этой цитадели; *stronghold* [ˈstrɒŋhəʊld] — крепость, твердыня, цитадель; оплот) the unlucky Rip was at length routed by his termagant wife (несчастный Рип, в конце концов, бывал обращен в бегство его сварливой женой), who would suddenly break in upon the tranquility of the assemblage (которая, бывало, неожиданно врывается в спокойствие собрания; *assemblage* [əˈsembldʒ] — сбор, собрание; скопление) and call the members all to naught (и называла его участников ничтожествами; *naught* [nɔ:t] — ничто; ноль; бесполезный, ничтожный); nor was that august personage (не была даже такая августейшая особа), Nicholas Vedder himself (как сам Николас Веддер), sacred from the daring tongue of this terrible virago (неприкосновенен от дерзкого языка этой ужасной мегеры; *virago* [vɪˈrɑ:gəʊ] — бой-баба, амазонка; сварливая женщина, мегера), who charged him outright with encouraging her husband in habits of idleness (которая прямо обвиняла его в подстрекательстве ее мужа к привычкам праздности).

From even this stronghold the unlucky Rip was at length routed by his termagant wife, who would suddenly break in upon the tranquility of the assemblage and call the members all to naught; nor was that august personage, Nicholas Vedder himself, sacred from the daring tongue of this terrible virago, who charged him outright with encouraging her husband in habits of idleness.

Poor Rip was at last reduced almost to despair (бедный Рип был в итоге доведен почти до отчаянья); and his only alternative (и его единственный выбор), to escape from the labor of the farm and clamor of his wife (избежать: «убежать от» труда на ферме и крика жены; *labor* [ˈleɪbə] — труд; работа, задание; *clamor* — [ˈklæmə] — шум, крик, ор; ропот), was to take gun in hand and stroll away into the woods (было взять ружье в руки и уйти в лес). Here he would

sometimes seat himself at the foot of a tree (здесь он, бывало, иногда усаживался у подножья дерева), and share the contents of his wallet with Wolf (и делился содержимым своей сумки с Вольфом), with whom he sympathized (к которому он доброжелательно относился) as a fellow-sufferer in persecution (как к товарищу-страдальцу в гонениях; *persecution* [ˌpəːsɪˈkjuːʃ(ə)n] — гонения, преследования, травля). "Poor Wolf (бедный Вольф)," he would say (он, бывало, говорил), "thy mistress leads thee a dog's life of it (твоя хозяйка доводит тебя до самой собачьей жизни; *thy* [ð aɪ] — уст. твоя; *thee* [ði:] — уст. тебе; *of it* [əv ɪt] — указывает на выделение лица/предмета из множества аналогичных лиц/предметов); but never mind, my lad (но неважно, мой друг; *lad* [læd] — юноша; парень; дружок), whilst I live thou shalt never want a friend to stand by thee (пока я жив, ты никогда не захочешь другого друга стоять рядом с тобой = чтобы рядом с тобой стоял какой-либо другой друг; *thou* [θau] — уст. ты; *shalt* [ʃælt] — уст. 2-е лицо, един. число от гл. *shall*)!" Wolf would wag his tail (Вольф обычно вилял хвостом), look wistfully in his master's face (глядел тоскливо в лицо хозяина), and if dogs can feel pity (и если собаки могут чувствовать жалость) I verily believe he reciprocated the sentiment with all his heart (я поистине верю, что он отвечал взаимностью на чувство всем своим сердцем; *verily* — [ˈverɪli] — уст. поистине; *to reciprocate* [reˈsɪprəkeɪt] — делиться; отплачивать).

Poor Rip was at last reduced almost to despair; and his only alternative, to escape from the labor of the farm and clamor of his wife, was to take gun in hand and stroll away into the woods. Here he would sometimes seat himself at the foot of a tree, and share the contents of his wallet with Wolf, with whom he sympathized as a fellow-sufferer in persecution. "Poor Wolf," he would say, "thy mistress leads thee a dog's life of it; but never mind, my lad, whilst I live thou shalt never want a friend to stand by thee!" Wolf would wag his tail, look wistfully in his master's

face, and if dogs can feel pity I verily believe he reciprocated the sentiment with all his heart.

In a long ramble of the kind on a fine autumnal day (во время одной такой долгой прогулки прекрасным осенним днем), Rip had unconsciously scrambled to one of the highest parts of the Kaatskill mountains (Рип неосознанно вскарабкался на одну из самых высоких частей Каатскиллских гор; *conscious* [*ˈkɒnʃəs*] — *сознательный; ощущающий; здоровый*). He was after his favorite sport of squirrel shooting (это было после его любимого занятия — стрельбы белок), and the still solitudes had echoed and reechoed with the reports of his gun (и в спокойных безлюдных местах отдавалось и отражалось звонкое эхо выстрелов его ружья; *to echo* [*ˈekəʊ*] — *отдаваться эхом; вторить, поддакивать*; *re* [*rɪ*] — *приставка, обозначающая повторение или возобновление действия*). Panting and fatigued (тяжело дышащий и усталый; *fatigue* [*fəˈtiːɡ*] — *усталость, утомление*), he threw himself (он упал: «бросил себя»), late in the afternoon (ближе к вечеру: «поздно днем»), on a green knoll (на зеленый холмик; *knoll* [*nɒʊl*] — *холмик, бугор*), covered with mountain herbage (покрытый горной растительностью), that crowned the brow of a precipice (который венчал выступ обрыва; *precipice* [*ˈpresɪpɪs*] — *обрыв, пропасть*).

In a long ramble of the kind on a fine autumnal day, Rip had unconsciously scrambled to one of the highest parts of the Kaatskill mountains. He was after his favorite sport of squirrel shooting, and the still solitudes had echoed and reechoed with the reports of his gun. Panting and fatigued, he threw himself, late in the afternoon, on a green knoll, covered with mountain herbage, that crowned the brow of a precipice.

From an opening between the trees (сквозь просвет между деревьями) he could overlook all the lower country for many a mile of rich woodland (он мог обозревать всю низину на многие мили богатого леса). He saw at a distance the lordly Hudson (он видел вдалеке величавый Гудзон), far, far below him (далеко-далеко под ним), moving on its silent but majestic course (двигаясь медленно, но величаво: «несущий свое медленное, но величественное течение /воды/»), with the reflection of a purple cloud (с отражением пурпурного облака), or the sail of a lagging bark (или парусом медленной лодки), here and there sleeping on its glassy bosom (/то/ здесь, /то/ там спящих на его гладкой поверхности; *bosom* [‘bʊzəm] — грудь, пазуха; лоно, недра), and at last losing itself in the blue highlands (и наконец теряющийся в голубом нагорье).

From an opening between the trees he could overlook all the lower country for many a mile of rich woodland. He saw at a distance the lordly Hudson, far, far below him, moving on its silent but majestic course, with the reflection of a purple cloud, or the sail of a lagging bark, here and there sleeping on its glassy bosom, and at last losing itself in the blue highlands.

On the other side (с другой стороны) he looked down into a deep mountain glen (он посмотрел вниз на глубокую горную лощину), wild (дикую), lonely (пустынную; *lonely* [‘ləʊnli] — одинокий; уединенный; пустынный), and shagged (заросшую кустарником; *shag* [ʃæɡ] — жесткая, лохматая шевелюра; чаща; густые заросли молодых деревьев), the bottom filled with fragments from the impending cliffs (дно /которой было/ покрыто обломками нависающих утесов), and scarcely lighted by the reflected rays of the setting sun (и едва освещенную отраженными лучами заходящего солнца; *scarcely* [‘skɛəslɪ] — едва, с трудом). For some time Rip lay musing on this scene (некоторое время Рип лежал, созерцая этот вид; *to lie* [laɪ] — *lay* [leɪ] — *lain*

[leɪn] — *лежать*; *to muse* — *погружаться в размышления; задумываться /о чем-л. — он, ирон./; задумчиво смотреть*); evening was gradually advancing (вечер постепенно наступал); the mountains began to throw their long blue shadows over the valleys (горы начали отбрасывать свои длинные голубые тени на долины); he saw that it would be dark long before he could reach the village (он понял, что стемнеет гораздо раньше, чем он сумеет добраться до деревни; *to see [si:] — saw [sɔ:] — seen [si:n] — видеть; понимать*), and he heaved a heavy sigh (он тяжело вздохнул; *to heave — поднимать; to heave a sigh — тяжело вздохнуть, простонать*) when he thought of encountering the terrors of Dame Van Winkle (когда подумал об ужасах при встрече с матушкой Ван Винкль; *to encounter [ɪn'kaʊntə]* /неожиданно/ *встретить/ся/; наталкиваться /на трудности и т. п./; сталкиваться*).

On the other side he looked down into a deep mountain glen, wild, lonely, and shagged, the bottom filled with fragments from the impending cliffs, and scarcely lighted by the reflected rays of the setting sun. For some time Rip lay musing on this scene; evening was gradually advancing; the mountains began to throw their long blue shadows over the valleys; he saw that it would be dark long before he could reach the village, and he heaved a heavy sigh when he thought of encountering the terrors of Dame Van Winkle.

As he was about to descend (когда он собрался спускаться; *to be about to — быть готовым что-то сделать*), he heard a voice from a distance (он услышал голос издали), hallooing (кричащий; *to hallo [hə'lu:] — направлять собак; громко кричать, привлекая внимание*), "Rip Van Winkle! Rip Van Winkle!" He looked round (он огляделся), but could see nothing (но ничего не увидел) but a crow winging its solitary flight across the mountain (кроме вороны, машущей крыльями в своем одиноком полете над горой: «через гору»). He

thought his fancy must have deceived him (он подумал, что его воображение, должно быть, обмануло его), and turned again to descend (и снова повернулся, чтобы спускаться), when he heard the same cry ring through the still evening air (когда услышал, как тот же крик зазвенел в неподвижном вечернем воздухе); "Rip Van Winkle! Rip Van Winkle!" — at the same time Wolf bristled up his back (в то же время Вольф вздыбил спину), and giving a low growl (и, глухо зарычав), skulked to his master's side (прижался /в страхе/ к хозяину; *to skulk* — красться, подкрадываться; прокрасться; прятаться, скрываться, затаиваться), looking fearfully down into the glen (глядя испуганно вниз в лошину).

As he was about to descend, he heard a voice from a distance, hallooing, "Rip Van Winkle! Rip Van Winkle!" He looked round, but could see nothing but a crow winging its solitary flight across the mountain. He thought his fancy must have deceived him, and turned again to descend, when he heard the same cry ring through the still evening air; "Rip Van Winkle! Rip Van Winkle!" — at the same time Wolf bristled up his back, and giving a low growl, skulked to his master's side, looking fearfully down into the glen.

Rip now felt a vague apprehension stealing over him (теперь Рип почувствовал смутное опасение, овладевающее им; *vague* [*veɪɡ*] — неопределенный, неясный, нечеткий; *to steal* — воровать, красть; красться); he looked anxiously in the same direction (он тревожно посмотрел в том же направлении; *anxious* [*ˈæŋkʃəs*] — озабоченный, сильно встревоженный; сильно желающий), and perceived a strange figure (и различил странную фигуру) slowly toiling up the rocks (с трудом идущую вверх по камням), and bending under the weight of something (и сгибающуюся под весом чего-то) he carried on his back (что он нес на спине). He was surprised to see any human being in this lonely and unfrequented place (он был удивлен увидеть какое-то человеческое существо в этом пустынном и безлюдном месте; *to frequent* — часто

посещать, бывать), but supposing it to be some one of the neighborhood in need of his assistance (но, полагая, что это может быть один /человек/ из окрестностей, нуждающийся в его помощи; *need* — *нужда*), he hastened down to yield it (он поторопился вниз, чтобы оказать ее; *to yield* [ji:ld] — *устар. платить, расплачиваться, отдавать должное; давать плоды; давать результат; предоставлять*).

Rip now felt a vague apprehension stealing over him; he looked anxiously in the same direction, and perceived a strange figure slowly toiling up the rocks, and bending under the weight of something he carried on his back. He was surprised to see any human being in this lonely and unfrequented place, but supposing it to be some one of the neighborhood in need of his assistance, he hastened down to yield it.

On nearer approach (при ближнем подходе = подойдя поближе) he was still more surprised at the singularity of the stranger's appearance (он еще больше удивился странной внешности незнакомца; *singularity* [ˌsɪŋɡjuˈlærɪti] — *оригинальность, своеобразие*). He was a short square-built old fellow (это был невысокий коренастый старик; *square* [skwɛə] — *квадратный; прямоугольный; массивный*; *to build* [bɪld] — *built* [bɪlt] — *built* — *строить; встраивать; иметь внешний вид*), with thick bushy hair (с густой копной волос: «с густыми, как куст, волосами»), and a grizzled beard (и седеющей бородой; *to grizzle* — *становиться серым, сереть; делать серым; седеть; делать седым*). His dress was of the antique Dutch fashion (его одежда была старинного голландского фасона; *antique* [æpˈti:k] — *древний, старинный; антикварный*) — a cloth jerkin strapped round the waist (суконная короткая куртка, стянутая на поясе ремнем) — several pair of breeches (несколько пар штанов), the outer one of ample volume (верхние: «наружные» более просторного объема: «более широкие»), decorated with rows of buttons down

the sides (украшенные рядами пуговиц по бокам), and bunches at the knees (и сборками у колен). He bore on his shoulder a stout keg (он нес на плече толстый бочонок; *to bear*), that seemed full of liquor (который казался полным спиртного), and made signs for Rip to approach and assist him with the load (и делал знаки, чтобы Рип подошел и помог ему с ношей).

On nearer approach he was still more surprised at the singularity of the stranger's appearance. He was a short square-built old fellow, with thick bushy hair, and a grizzled beard. His dress was of the antique Dutch fashion — a cloth jerkin strapped round the waist — several pair of breeches, the outer one of ample volume, decorated with rows of buttons down the sides, and bunches at the knees. He bore on his shoulder a stout keg, that seemed full of liquor, and made signs for Rip to approach and assist him with the load.

Though rather shy and distrustful of this new acquaintance (хотя и с некоторым стеснением и недоверием к этому новому знакомому; *acquaintance* [*ə'kweintəns*] — *знакомство; знакомый*), Rip complied with his usual alacrity (Рип вел себя с обычной расторопностью); and mutually relieving one another (и помогая друг другу: «и взаимно оказывая помощь один другому»), they clambered up a narrow gully (они выбрались в узкий овражек), apparently the dry bed of a mountain torrent (по-видимому, сухое русло горного потока). As they ascended (пока они взбирались; *to ascend* — *всходить, взбираться*), Rip every now and then heard long rolling peals (Рип то и дело слышал долгие гроыхающие раскаты), like distant thunder (подобные далекому грому), that seemed to issue out of a deep ravine (которые, казалось, выходили из глубокого ущелья), or rather cleft (или, скорее, расселины), between lofty rocks (между высокими камнями), toward which their rugged path conducted (в направлении которой вела их труднопроходимая тропа; *rugged* — *устар. жесткий* /о

волосах/; шероховатый, шершавый, неровный). He paused for an instant (он остановился на мгновение), but supposing (но полагая, что) it to be the muttering of one of those transient thunder-showers (это глухие раскаты одной из тех кратковременных гроз; *transient* — *преходящий*; *shower* — *ливень*) which often take place in mountain heights (которые часто случаются на горных высотах), he proceeded (он двинулся дальше; *to proceed* — *продолжить движение /в определенном направлении после остановки/*).

Though rather shy and distrustful of this new acquaintance, Rip complied with his usual alacrity; and mutually relieving one another, they clambered up a narrow gully, apparently the dry bed of a mountain torrent. As they ascended, Rip every now and then heard long rolling peals, like distant thunder, that seemed to issue out of a deep ravine, or rather cleft, between lofty rocks, toward which their rugged path conducted. He paused for an instant, but supposing it to be the muttering of one of those transient thunder-showers which often take place in mountain heights, he proceeded.

Passing through the ravine (пройдя ущелье), they came to a hollow (они пришли в ложбину), like a small amphitheatre (похожую на маленький амфитеатр), surrounded by perpendicular precipices (окруженный отвесными оврагами; *perpendicular* [ˌpɜːpənˈdɪkjʊːlə] — *перпендикулярный; крутой, отвесный*), over the brinks of which impending trees shot their branches (через края которых нависающие деревья перекидывали свои ветви; *to shoot* [ʃuːt] — *shot* [ʃɒt] — *shot* — *стрелять; давать ростки; бросать, перекидывать*), so that you only caught glimpses of the azure sky and the bright evening cloud (так что вы только мельком видели лазурное небо и яркое вечернее облако; *to catch* [kæʃtʃ] — *caught* [kɔːt] — *caught* — *ловить; заставлять; обнаруживать; glimpse*

[*glimps*]- проблеск; беглый, быстрый взгляд). During the whole time (все это время) Rip and his companion had labored on in silence (Рип и его напарник трудились в тишине); for though the former marvelled greatly (хотя первый сильно давался диву; *to marvel* ['ma:vl] — изумляться удивляться, восторгаться; устар. даваться диву) what could be the object of carrying a keg of liquor up this wild mountain (какой мог быть предмет: «что могло бы быть причиной /того, чтобы/» тащить бочонок спиртного вверх по диким горам), yet there was something strange and incomprehensible about the unknown (и все же было что-то странное и непонятное в этом неизвестном /человеком/), that inspired awe and checked familiarity (что внушало страх и препятствовало фамиллярности/проявлению товарищеского отношения; *awe* [ɔ:] — благоговейный страх, трепет; *to check* — шахм. объявлять шах; останавливать; препятствовать /продвижению/; ограничивать, сдерживать, обуздывать, регулировать).

Passing through the ravine, they came to a hollow, like a small amphitheatre, surrounded by perpendicular precipices, over the brinks of which impending trees shot their branches, so that you only caught glimpses of the azure sky and the bright evening cloud. During the whole time Rip and his companion had labored on in silence; for though the former marvelled greatly what could be the object of carrying a keg of liquor up this wild mountain, yet there was something strange and incomprehensible about the unknown, that inspired awe and checked familiarity.

On entering the amphitheatre (при приближении к амфитеатру), new objects of wonder presented themselves (представились новые причины: «объекты» для удивления). On a level spot (на ровном месте) in the centre (в центре) was a company of odd-looking personages (была компания странно выглядящих

личностей) playing at nine-pins (играющих в кегли). They were dressed in a quaint outlandish fashion (они были одеты по старинной заморской моде; *quaint* [*kweɪnt*] — необычный и привлекательный; старомодный и изящный); some wore short doublets (некоторые носили короткие камзолы; *to wear* [*wɛə*] — *wore* [*wɔː*] — *worn* [*wɔːn*] — носить /об одежде/), others jerkins (другие — короткие куртки), with long knives in their belts (с длинными ножами за поясами), and most of them had enormous breeches (на большинстве из них были широченные штаны; *enormous* [*ɪˈnɔːməs*] — громадный; гигантский, обширный; чудовищный), of similar style with that of the guide's (похожего стиля с тем, что у проводника). Their visages, too, were peculiar (их лица тоже были своеобразными; *peculiar* [*pɪˈkjuːljə*] — специфический; особенный, своеобразный; необычный, особый, специальный): one had a large beard (у одного была большая борода; *beard* [*biəd*] — борода, усы, растительность на лице /у человека/; бородка /у животных/), broad face (широкое лицо), and small piggish eyes (и маленькие пороссячьи глазки): the face of another seemed to consist entirely of nose (лицо другого, казалось, состояло из одного только носа; *entirely* [*ɪnˈtaɪəli*] — вполне, всецело, полностью, совершенно, совсем), and was surmounted by a white sugar-loaf hat (увенчанное белой, похожей на сахарную голову, шляпой; *surmounted* — увенчанный), set off with a little red cock's tail (украшенной маленьким красным пером из петушиного хвоста; *to set off* [*set ɒf*] — уравнивать; оттенять, выгодно подчеркивать). They all had beards, of various shapes and colors (у них всех были бороды разнообразных форм и цветов).

On entering the amphitheatre, new objects of wonder presented themselves. On a level spot in the centre was a company of odd-looking personages playing at nine-pins. They were dressed in a quaint outlandish fashion; some wore short doublets, others jerkins, with long knives in their belts, and most of them had enormous breeches, of similar style with that of the guide's. Their visages, too, were peculiar:

one had a large beard, broad face, and small piggish eyes: the face of another seemed to consist entirely of nose, and was surmounted by a white sugar-loaf hat, set off with a little red cock's tail. They all had beards, of various shapes and colors.

There was one who seemed to be the commander (там был один, который казался командиром). He was a stout old gentleman (он был плотным, пожилым джентльменом), with a weather-beaten countenance (с обветренным лицом: «с избитым погодой лицом»; *countenance* ['kauntɪnəns] — выражение /лица, глаз/; лицо); he wore a laced doublet (он носил = на нем был камзол с галунами), broad belt and hanger (широкий ремень и кортик), high crowned hat and feather (высокую шляпу с пером; *crown* — венок; венец; корона; *to crown* — венчать, увенчивать, завершать /верхнюю часть чего-л./), red stockings (красные чулки), and high-heeled shoes (и башмаки на высоком каблуке), with roses in them (с розами на них). The whole group reminded Rip of the figures in an old Flemish painting (вся группа напомнила Рипу фигуры на старой фламандской картине), in the parlor of Dominic Van Shaick (в гостиной Доминика ван Шейка), the village parson (деревенского пастора), and which had been brought over from Holland at the time of the settlement (и которая была привезена из Голландии во времена /первого/ поселения; *to bring* [brɪŋ] — *brought* [brɔ:t] — *brought* — приносить, привозить; приводить; доставлять; *to settle* — поселить/ся/; населять, заселять /какой-л. район/).

There was one who seemed to be the commander. He was a stout old gentleman, with a weather-beaten countenance; he wore a laced doublet, broad belt and hanger, high crowned hat and feather, red stockings, and high-heeled shoes, with roses in them. The whole group reminded Rip of the figures in an old Flemish

painting, in the parlor of Dominic Van Shaick, the village parson, and which had been brought over from Holland at the time of the settlement.

What seemed particularly odd to Rip was (что казалось особенно странным Рипу, было; *particular* [pə'tɪkjʊlə] — редкий, особенный; особый, специфический), that though these folks were evidently amusing themselves (что, хотя эти люди явно развлекались), yet they maintained the gravest faces (все же они сохраняли наисерьезнейшие лица; *grave* — важный, степенный, серьезный; мрачный, печальный), the most mysterious silence (самую загадочную тишину = загадочно молчали), and were, withal (и были к тому же), the most melancholy party of pleasure (самой меланхоличной компанией /любителей/ развлечений) he had ever witnessed (/которую/ он когда-либо видел; *to witness* ['wɪtnɪs] — быть свидетелем; давать показания; заверять). Nothing interrupted the stillness of the scene (ничто не прерывало тишину этой сцены) but the noise of the balls (кроме шума шаров), which, whenever they were rolled (которые всякий раз, когда их катали), echoed along the mountains (отдавались эхо в горах) like rumbling peals of thunder (как громыхающие раскаты грома).

What seemed particularly odd to Rip was, that though these folks were evidently amusing themselves, yet they maintained the gravest faces, the most mysterious silence, and were, withal, the most melancholy party of pleasure he had ever witnessed. Nothing interrupted the stillness of the scene but the noise of the balls, which, whenever they were rolled, echoed along the mountains like rumbling peals of thunder.

As Rip and his companion approached them (как только Рип и его товарищ приблизились к ним), they suddenly desisted from their play (они неожиданно оторвались от своей игры), and stared at him with such fixed statue-like gaze (и уставились на него таким застывшим, как у статуи, взглядом), and such strange, uncouth lack-lustre countenances (и с таким странным, непривычно тусклым: «лишенным блеска» выражением; *lack* [læk] — недостаток, нужда; отсутствие; *lustre* [ˈlʌstə] — глянец, блеск; лоск, великолепие; люстра; *uncouth* — странный, непривычный; неуклюжий; грубоватый, грубый, неотесанный), that his heart turned within him (что его сердце перевернулось внутри него), and his knees smote together (и его колени ударились одно о другое; *to smite* [smait] — *smote* [sməʊt] — *smitten* [smɪtn] / *smote* — ударять; хлопать). His companion now emptied the contents of the keg into large flagons (его товарищ сейчас перелил: «опустошил» содержимое бочонка в большие графины; *flagon* [ˈflæɡən] — графин или большая бутылка со сплюснутыми боками); and made signs to him to wait upon the company (и делал ему знаки, чтобы он отнес их компании; *to wait upon* — прислуживать). He obeyed with fear and trembling (он послушался со страхом и дрожью); they quaffed the liquor in profound silence (они осушили спиртное залпом в полной: «глубокой» тишине; *to quaff* [kwa:f] — пить большими глотками; осушать залпом), and then returned to their game (а затем вернулись к игре).

As Rip and his companion approached them, they suddenly desisted from their play, and stared at him with such fixed statue-like gaze, and such strange, uncouth lack-lustre countenances, that his heart turned within him, and his knees smote together. His companion now emptied the contents of the keg into large flagons; and made signs to him to wait upon the company. He obeyed with fear and trembling; they quaffed the liquor in profound silence, and then returned to their game.

By degrees Rip's awe and apprehension subsided (постепенно страх и опасение Рипа затихали). He even ventured (он даже осмелился; *to venture* ['ventʃə] — *рисковать* /чем-л./; *ставить на карту*; *отважиться, осмелиться*), when no eye was fixed upon him (когда на него никто не смотрел: «когда ни один взгляд не был остановлен/«зафиксирован» на нем»), to taste the beverage (попробовать напиток), which he found had much of the flavor of excellent Hollands (который, как он нашел, имел много общего по вкусу с отличной голландской водкой). He was naturally a thirsty soul (он был, по естеству своему, жаждущей душой; *thirsty* ['θɜːsti] — *томимый жаждой; вызывающий жажду; иссохший, высохший; жаждущий*), and was soon tempted to repeat the draught (и вскоре соблазнился повторить глоток; *draught* [drɔːt] — *глоток* /производное от *to draw* — *тянуть*/). One taste provoked another (одна проба спровоцировала другую); and he reiterated his visits to the flagon so often (и он повторял свои подходы к графину так часто; *to reiterate* [riː'ɪtəreɪt] — *повторять; делать снова и снова*) that at length his senses were overpowered (что в конце концов его сознание было подавлено; *senses* ['sensɪz] — *мн.ч. сознание: «чувства» = пять чувств /обоняние, осязание, зрение, слух, вкус/; to overpower* — *преодолевать, побеждать, одолевать*), his eyes swam in his head (его глаза плавали в голове = все поплыло перед его глазами; *to swim* [swɪm] — *swam* [swæm] — *swum* [swʌm] — *плавать; плавно двигаться; кружиться*), his head gradually declined (его голова постепенно склонилась), and he fell into a deep sleep (и он впал в глубокий сон: «крепко заснул»; *to fall* [fɔːl] — *fell* [fel] — *fallen* [fɔːlən] — *падать; идти; находить*).

By degrees Rip's awe and apprehension subsided. He even ventured, when no eye was fixed upon him, to taste the beverage, which he found had much of the flavor of excellent Hollands. He was naturally a thirsty soul, and was soon tempted to

repeat the draught. One taste provoked another; and he reiterated his visits to the flagon so often that at length his senses were overpowered, his eyes swam in his head, his head gradually declined, and he fell into a deep sleep.

On waking (при пробуждении), he found himself on the green knoll (он обнаружил себя на зеленом холмике) whence he had first seen the old man of the glen (с которого впервые увидел старика из долины). He rubbed his eyes (он потер свои глаза) — it was a bright sunny morning (это было яркое солнечное утро). The birds were hopping and twittering among the bushes (птички прыгали и чирикали в кустах), and the eagle was wheeling aloft (и высоко парил орел), and breasting the pure mountain breeze (и разрывал грудью чистый горный ветер). "Surely," thought Rip (точно, — подумал Рип), "I have not slept here all night (/уж/ не проспал /ли/ я здесь всю ночь)." He recalled the occurrences before he fell asleep (он припомнил произошедшее до того, как он заснул: «что случилось прежде, чем он заснул»; *occurrence* [ə'kæ:rəns] — происшествие, случай; местонахождение). The strange man with a keg of liquor (странный человек с бочонком спиртного) — the mountain ravine (горное ущелье) — the wild retreat among the rocks (фантастическое убежище среди камней) — the wobegone party at nine-pins (скорбную партию в кегли; *wobegone* [,wəvɪ'gɒn] — скорбный, безутешный, удрученный) — the flagon (графин) — "Oh! that flagon! (о! этот графин!) that wicked flagon (этот злодейский графин; *wicked* ['wɪkɪd] — злой; безнравственный; страшный; плохой)"! thought Rip (подумал Рип) — "what excuse shall I make to Dame Van Winkle (какое же оправдание я приготовлю для хозяйки Ван Винкль)!"

On waking, he found himself on the green knoll whence he had first seen the old man of the glen. He rubbed his eyes — it was a bright sunny morning. The birds were hopping and twittering among the bushes, and the eagle was wheeling aloft,

and breasting the pure mountain breeze. "Surely," thought Rip, "I have not slept here all night." He recalled the occurrences before he fell asleep. The strange man with a keg of liquor — the mountain ravine — the wild retreat among the rocks — the wobegone party at nine-pins — the flagon — "Oh! that flagon! that wicked flagon!" thought Rip — "what excuse shall I make to Dame Van Winkle!"

He looked round for his gun (он посмотрел вокруг = *осмотрелся в поисках ружья*), but in place of the clean well-oiled fowling-piece (но вместо чистого, хорошо смазанного охотничьего ружья; *fowling-piece* — *охотничье ружье*; *fowl* — *птица, дичь*), he found an old firelock lying by him (он увидел старое /кремневое/ ружье, лежащее рядом с ним; *firelock* — *кремневый ружейный замок*; *кремневое ружье* /*ружье с кремневым замком*/), the barrel incrustated with rust (ствол, покрытый ржавчиной), the lock falling off (отваливающийся замок), and the stock worm-eaten (и ружейную ложу, изъеденную червями). He now suspected (он теперь заподозрил) that the grave roysters of the mountain had put a trick upon him (что мрачные собутельники с гор сыграли с ним шутку; *to roister* [*ˈrɔɪstə*] — *бесчинствовать, бражничать*), and, having dosed him with liquor (и напоив его спиртным; *dose* — *доза*; *to dose* — *давать лекарство*), had robbed him of his gun (украли у него ружье). Wolf, too, had disappeared (Вольф тоже исчез), but he might have strayed away after a squirrel or partridge (но он, возможно, погнался за белкой или куропаткой; *to stray* — *сбиться с пути, заблудиться; отбиться*). He whistled after him and shouted his name (он свистел его и кричал по имени), but all in vain (но все напрасно); the echoes repeated his whistle and shout (эхо вторило его свисту и крику), but no dog was to be seen (но никакой собаки не было видно).

He looked round for his gun, but in place of the clean well-oiled fowling-piece, he found an old firelock lying by him, the barrel incrustated with rust, the lock falling

off, and the stock worm-eaten. He now suspected that the grave roysters of the mountain had put a trick upon him, and, having dosed him with liquor, had robbed him of his gun. Wolf, too, had disappeared, but he might have strayed away after a squirrel or partridge. He whistled after him and shouted his name, but all in vain; the echoes repeated his whistle and shout, but no dog was to be seen.

He determined to revisit the scene of the last evening's gambol (он намеревался снова посетить место вчерашнего вечернего веселья; *gambol* ['gæmb(ə)l] — скачок, прыжок; веселье), and if he met with any of the party (и если он встретит любого из этой компании), to demand his dog and gun (потребовать свою собаку и ружье). As he rose to walk (как только он встал, чтобы пойти; *to rise* — подняться), he found himself stiff in the joints (он нашел = почувствовал себя застывшим/одеревенелым в суставах; *stiff* — тугой, негибкий, неэластичный, жесткий), and wanting in his usual activity (и лишенным обычной активности/подвижности; *wanting* ['wɒntɪŋ] — нуждающийся, недостающий). "These mountain beds do not agree with me («эти горные кровати не подходят мне»; *to agree* [əg'reɪ:] — соглашаться; гармонировать; подходить)," thought Rip (подумал Рип), "and if this frolic should lay me up with a fit of the rheumatism (и если это веселье уложит меня с приступом ревматизма), I shall have a blessed time with Dame Van Winkle (у меня будет проклятое/чертово время с хозяйкой Ван Винкль; *to bless* — благословлять; ирон. проклипать)." "

He determined to revisit the scene of the last evening's gambol, and if he met with any of the party, to demand his dog and gun. As he rose to walk, he found himself stiff in the joints, and wanting in his usual activity. "These mountain beds do not agree with me," thought Rip, "and if this frolic should lay me up with a fit of the rheumatism, I shall have a blessed time with Dame Van Winkle."

With some difficulty he got down into the glen (с некоторой трудностью он спустился в долину): he found the gully (он обнаружил овражек) up which (вверх по которому) he and his companion had ascended the preceding evening (он и его товарищ поднялись прошлым вечером; *preceding* — *предыдущий*; *to precede* — *предшествовать*); but to his astonishment (но к его изумлению; *to astonish* — *изумлять, поражать, удивлять*) a mountain stream was now foaming down it (горный поток сейчас пенился по нему вниз), leaping from rock to rock (прыгая с камня на камень), and filling the glen with babbling murmurs (и наполняя долину журчащими звуками; *мурмур* — *шепот; слабый неясный шум; журчание; шорох; шелест*; *to babble* — *лепетать; бормотать; журчать /о ручейке/, щебетать /о птицах/*). He, however, made shift to scramble up its sides (он, однако, ухитрился вскарабкаться по его склонам; *shift* — *изменение, перемещение, сдвиг; уловка, увертка, хитрость*; *to make /a/ shift* — *ухитряться*), working his toilsome way through thickets of birch (проделывая свой нелегкий путь сквозь заросли березы), sassafras (лавра; *sassafras* [*ˈsæʃəfræs*] — *сассафрас, американский лавр*), and witch-hazel (и лещины; *witch-hazel* [,wɪtʃˈheɪz(ə)] — *гамамелис, лещина виргинская*), and sometimes tripped up (и иногда запнувшись) or entangled by the wild grapevines (или запутавшись в диком винограднике) that twisted their coils (который закручивал свои завитки) or tendrils from tree to tree (или усики от дерева к дереву), and spread a kind of network in his path (и раскидывал подобие паутины на его пути).

With some difficulty he got down into the glen: he found the gully up which he and his companion had ascended the preceding evening; but to his astonishment a mountain stream was now foaming down it, leaping from rock to rock, and filling the glen with babbling murmurs. He, however, made shift to scramble up its sides,

working his toilsome way through thickets of birch, sassafras, and witch-hazel, and sometimes tripped up or entangled by the wild grapevines that twisted their coils or tendrils from tree to tree, and spread a kind of network in his path.

At length (в конце концов) he reached to (он достиг /того места/) where the ravine had opened through the cliffs to the amphitheatre (где ущелье /раньше / вело сквозь утесы в амфитеатр; *to open to [эурп]* — *сообщаться; вести*); but no traces of such opening remained (но никаких следов такого прохода не осталось). The rocks presented a high impenetrable wall (камни представляли собой высокую непроницаемую стену) over which the torrent came tumbling in a sheet of feathery foam (через которую обрушивался поток в клочьях пушистой пены; *to tumble* — *падать, рушиться; feather* — *перо /у птиц/*), and fell into a broad deep basin (и впадал в широкий, глубокий водоем), black from the shadows of the surrounding forest (черный от теней окружающего леса). Here, then (здесь тогда), poor Rip was brought to a stand (бедный Рип вынужден был остановиться).

At length he reached to where the ravine had opened through the cliffs to the amphitheatre; but no traces of such opening remained. The rocks presented a high impenetrable wall over which the torrent came tumbling in a sheet of feathery foam, and fell into a broad deep basin, black from the shadows of the surrounding forest. Here, then, poor Rip was brought to a stand.

He again called and whistled after his dog (он снова кричал и свистел своему псу); he was only answered by the cawing of a flock of idle crows (ему только отвечала карканьем стая праздных ворон), sporting high in air about a dry tree

(веселящаяся высоко в воздухе над засохшим деревом) that overhung a sunny precipice (которое нависало над солнечным обрывом; *to hang* [hæŋ] — *hung* [hʌŋ] / *hanged* — *hung* / *hanged*– вешать; подвешивать: висеть; свисать); and who, secure in their elevation (и которые, в безопасности на их высоте; *elevation* — возвышение, возвышенность; высота), seemed to look down (казалось, смотрели /на него/ сверху вниз) and scoff at the poor man's perplexities (и насмехались над трудностями бедного человека; *perplexity* [pə'pleksɪtɪ] — недоумение; растерянность; затруднение). What was to be done (что можно было сделать)? The morning was passing away (утро уже проходило), and Rip felt famished for want of his breakfast (и Рип чувствовал голод из-за недостатка завтрака = поскольку не позавтракал). He grieved to give up his dog and gun (он сожалел, что придется отказаться от своего ружья и собаки; *to give up* [gɪv ʌp] — оставить, отказаться; сдаться, уступить); he dreaded to meet his wife (он опасался встретить свою жену); but it would not do to starve among the mountains (но никуда не годилось умереть с голоду в горах; *to do* [du:] — *did* [dɪd] — *done* [dʌn] — делать; совершать действия; здесь подходить, годиться; удовлетворять требованиям). He shook his head (он тряхнул головой), shouldered the rusty firelock (положил на плечо ржавое кремневое ружье), and, with a heart full of trouble and anxiety (и с сердцем, полным тревоги и страха), turned his steps homeward (повернул шаги сторону дома = отправился домой).

He again called and whistled after his dog; he was only answered by the cawing of a flock of idle crows, sporting high in air about a dry tree that overhung a sunny precipice; and who, secure in their elevation, seemed to look down and scoff at the poor man's perplexities. What was to be done? the morning was passing away, and Rip felt famished for want of his breakfast. He grieved to give up his dog and gun; he dreaded to meet his wife; but it would not do to starve among the mountains. He

shook his head, shouldered the rusty firelock, and, with a heart full of trouble and anxiety, turned his steps homeward.

As he approached the village (пока он подходил к деревне) he met a number of people (он встретил некоторое количество людей = несколько человек), but none whom he knew (но никого из тех, кого он знал), which somewhat surprised him (что несколько удивило его), for he had thought himself acquainted with every one in the country round (так как он думал, что был знаком с каждым в округе: «в местности вокруг»). Their dress, too (их одежда тоже), was of a different fashion (была отличного фасона) from that to which he was accustomed (от того, к которому он привык). They all stared at him with equal marks of surprise (они все смотрели на него с одинаковым выражением удивления; *equal* [*ˈi:kw(ə)*] — *равный, одинаковый; идентичный*), and whenever they cast their eyes upon him (и всякий раз, когда они останавливали на нем взгляд; *to cast* — *бросать*), invariably stroked their chins (неизменно поглаживали свои подбородки; *invariable* [*ɪnˈveəriəbl*] — *неизменный, неизменяемый; постоянный, стабильный, устойчивый*). The constant recurrence of this gesture induced Rip, involuntarily, to do the same (постоянное повторение этого жеста заставило Рипа невольно сделать то же самое; *recurrence* [*rɪˈkʌr(ə)ns*] — *повторение; повторное проявление; возвращение, возврат*), when, to his astonishment (когда = и тогда, к своему изумлению), he found his beard had grown a foot long (он обнаружил, что его борода выросла на целый фут; *foot* [*fʊt*] — *фут /мера длины, равная 30,48 см, составляет одну треть ярда/*)!

As he approached the village he met a number of people, but none whom he knew, which somewhat surprised him, for he had thought himself acquainted with every one in the country round. Their dress, too, was of a different fashion from that to which he was accustomed. They all stared at him with equal marks of surprise, and

whenever they cast their eyes upon him, invariably stroked their chins. The constant recurrence of this gesture induced Rip, involuntarily, to do the same, when, to his astonishment, he found his beard had grown a foot long!

He had now entered the skirts of the village (теперь он подошел к краю деревни; *skirts* — край, граница; окраина). A troop of strange children ran at his heels (ватага незнакомых ребятишек бежала за ним по пятам; *troop* [tru:p] — стадо, стая; отряд, группа людей), hooting after him (гонясь за ним с криками), and pointing at his gray beard (и показывая на его седую бороду). The dogs, too (собаки тоже), not one of which he recognized for an old acquaintance (ни одну из которых он не признал как старую знакомую), barked at him as he passed (лаяли на него, когда он проходил мимо). The very village was altered (сама деревня была переменявшейся = сильно изменилась; *to alter* ['ɔ:ltə] — изменять/ся; менять/ся; видоизменять, вносить изменения, переделывать); it was larger and more populous (она стала больше и многолюднее). There were rows of houses which he had never seen before (там были ряды домов, которые он никогда не видел раньше), and those which had been his familiar haunts had disappeared (а те, которые были привычными ему местами, исчезли; *haunt* [hɔ:nt] — часто посещаемое место; *to haunt* — часто заезжать проводить, навещать /какое-л. место, людей и т. п./; бывать /где-л./). Strange names were over the doors (над дверьми были незнакомые имена) — strange faces at the windows (незнакомые лица /выглядывали/ из окон) every thing was strange (все было незнакомым).

He had now entered the skirts of the village. A troop of strange children ran at his heels, hooting after him, and pointing at his gray beard. The dogs, too, not one of which he recognized for an old acquaintance, barked at him as he passed. The very village was altered; it was larger and more populous. There were rows of houses

which he had never seen before, and those which had been his familiar haunts had disappeared. Strange names were over the doors — strange faces at the windows every thing was strange.

His mind now misgave him (теперь его разум изменил ему; *to misgive* [mis'giv] — *misgave* [mis'geiv] — *misgiven* [mis'givn] — внушать недоверие; дать осечку; потерпеть неудачу); he began to doubt (он начал сомневаться; *to begin* [bi'gin] — *began* [bi'gæn] — *begun* [bi'gʌn] — начинать/ся/) whether both he and the world around him were not bewitched (не был ли он сам и мир вокруг околдованы; *witch* — колдунья, ведьма). Surely this was his native village (несомненно, это была его родная деревня) which he had left but the day before (которую он покинул днем раньше; *to leave* — оставлять). There stood the Kaatskill mountains (там высились Каатскиллские горы) — there ran the silver Hudson at a distance (там вдали бежал серебристый Гудзон; *to run* [rʌn] — *ran* [ræn] — *run* — бежать; течь) — there was every hill and dale precisely (там были каждый холм и долина точно такими же) as it had always been (какими они были всегда) — Rip was sorely perplexed (Рип пребывал в болезненном недоумении; *to perplex* — ставить в тупик, приводить в недоумение) — "That flagon last night (тот графин прошлой ночью)," thought he (подумал он), "has addled my poor head sadly (прискорбно повлиял на мою бедную голову; *to addle* — пропадать, портиться /о яйце/; сбивать с толку, запутывать)!"

His mind now misgave him; he began to doubt whether both he and the world around him were not bewitched. Surely this was his native village which he had left but the day before. There stood the Kaatskill mountains — there ran the silver Hudson at a distance — there was every hill and dale precisely as it had always

been — Rip was sorely perplexed — "That flagon last night," thought he, "has addled my poor head sadly!"

It was with some difficulty (с некоторой сложностью = с некоторым трудом) that he found his way to his own house (он нашел дорогу к своему собственному дому), which he approached with silent awe (к которому он приблизился с безмолвным страхом), expecting every moment to hear the shrill voice of Dame Van Winkle (ожидая в каждое мгновение услышать резкий голос хозяйки ван Винкль). He found the house gone to decay (он увидел, что дом давно обветшал: «ушедшим в упадок») — the roof fallen in (крыша провалилась), the windows shattered (окна разбились), and the doors off the hinges (и двери /упали/ с петель). A half-starved dog (полуголодная собака) that looked like Wolf (которая выглядела, как Вольф) was sulking about it (мрачно бродила вокруг него). Rip called him by name (Рип позвал его по имени), but the cur snarled (но дворняга зарычала), showed his teeth (показала зубы: «оскалилась»), and passed on (и убежала). This was an unkind cut indeed (это была действительно недобрая выходка; *cut* — удар /хлыстом и т. п./; оскорбление, акт недоброжелательности) — "My very dog (моя собственная собака)," sighed poor Rip (вздыхнул бедный Рип), "has forgotten me (забыла меня; *to forget* [fə'get] — *forgot* [fə'gɒt] — *forgotten* [fə'gɒtən] — забывать; пренебрегать)!"

It was with some difficulty that he found his way to his own house, which he approached with silent awe, expecting every moment to hear the shrill voice of Dame Van Winkle. He found the house gone to decay — the roof fallen in, the windows shattered, and the doors off the hinges. A half-starved dog that looked like Wolf was sulking about it. Rip called him by name, but the cur snarled,

showed his teeth, and passed on. This was an unkind cut indeed — "My very dog," sighed poor Rip, "has forgotten me!"

He entered the house (он вошел в дом), which, to tell the truth (который, по правде говоря), Dame Van Winkle had always kept in neat order (хозяйка ван Винкль всегда содержала в редкостном: «опрятном» порядке). It was empty (он был пуст), forlorn (запущен; *forlorn* [fə'lor:n] — устар. несчастный, заброшенный; находящийся в ужасном состоянии), and apparently abandoned (и, очевидно, покинут). This desolateness overcame all his connubial feats (эта заброшенность пересилила все его супружеские уловки; *desolate* — одинокий, оставленный всеми, заброшенный; пустынный, необитаемый) — he called loudly for his wife and children (он громко позвал жену и детей) — the lonely chambers rang (пустые комнаты зазвенели; *to ring* — *rang* — *rung* — звенеть; звучать /производить звук/) for a moment with his voice (на мгновение от его голоса), and then all again was silence (а затем все снова стало тихо).

He entered the house, which, to tell the truth, Dame Van Winkle had always kept in neat order. It was empty, forlorn, and apparently abandoned. This desolateness overcame all his connubial feats — he called loudly for his wife and children — the lonely chambers rang for a moment with his voice, and then all again was silence.

He now hurried forth (теперь он заторопился далее; *forth* — вперед, дальше), and hastened to his old resort (и поспешил к своему старому прибежищу), the village inn (деревенскому постоялому двору/трактиру) — but it too was gone (но он тоже исчез; *to be gone* [gɒn] — умереть; пропасть). A large rickety

wooden building stood in its place (большое шаткое здание стояло на его месте), with great gaping windows (с большими зияющими окнами; *to gape* — широко открывать рот; зевать; зиять, широко раскрываться /об отверстиях/; разверзаться), some of them broken (некоторые из них /были/ разбиты) and mended with old hats and petticoats (и заделаны старыми шляпами и нижними юбками), and over the door was painted (а над дверью было написано), "the Union Hotel (Юнион Отель), by Jonathan Doolittle (Джонатана Дулитла)." Instead of the great tree (вместо большого дерева) that used to shelter the quiet little Dutch inn of yore (которое давным-давно, бывало, укрывало тихую голландскую гостиницу; *of yore* [əv jɔ:] — устар. давным-давно), there now was reared a tall naked pole (теперь возвышался высокий гладкий: «голый, обнаженный» столб), with something on the top (с чем-то на верхушке) that looked like a red night-cap (что выглядело, как красный ночной колпак), and from it was fluttering a flag (а из него развевался на ветру флаг), on which was a singular assemblage of stars and stripes (на котором было необычное собрание звезд и полос) — all this was strange and incomprehensible (и все это было странно и непонятно; *to comprehend* — понимать, постигать).

He now hurried forth, and hastened to his old resort, the village inn — but it too was gone. A large rickety wooden building stood in its place, with great gaping windows, some of them broken and mended with old hats and petticoats, and over the door was painted, "the Union Hotel, by Jonathan Doolittle." Instead of the great tree that used to shelter the quiet little Dutch inn of yore, there now was reared a tall naked pole, with something on the top that looked like a red night-cap, and from it was fluttering a flag, on which was a singular assemblage of stars and stripes — all this was strange and incomprehensible.

He recognized on the sign (он узнал на вывеске), however (тем не менее), the ruby face of King George (красное: «рубиновое» лицо короля Георга), under which he had smoked so many a peaceful pipe (под которым он выкурил столь много мирных трубок); but even this was singularly metamorphosed (но даже он странно преобразился). The red coat was changed for one of blue and buff (красное пальто изменилось с красного на голубое с желтым; *buff* [blʌf] — темно-желтый, цвета воловьей кожи), a sword was held in the hand (шпага держалась в руке) instead of a scepter (вместо скипетра), the head was decorated with a cocked hat (голова была украшена треуголкой), and underneath was painted in large characters (и внизу было написано большими буквами), GENERAL Washington (генерал Вашингтон).

He recognized on the sign, however, the ruby face of King George, under which he had smoked so many a peaceful pipe; but even this was singularly metamorphosed. The red coat was changed for one of blue and buff, a sword was held in the hand instead of a sceptre, the head was decorated with a cocked hat, and underneath was painted in large characters, GENERAL Washington.

There was, as usual (там была, как обычно), a crowd of folk about the door (толпа народу возле двери), but none that Rip recollected (но ни одного, кого бы Рип вспомнил). The very character of the people seemed changed (даже сам характер этих людей изменился). There was a busy, bustling, disputatious tone about it (в нем была деловая, суетливая, спорящая нотка), instead of the accustomed phlegm and drowsy tranquility (вместо привычного флегматичного и сонного спокойствия; *phlegm* [flem] — мокрота, слизь; флегма, бесстрастие, хладнокровие). He looked in vain for the sage Nicholas Vedder (он напрасно озибался в поисках мудрого Николаса Веддера), with his broad face (с его широким лицом), double chin (двойным подбородком), and fair long pipe

(и славной длинной трубкой), uttering clouds of tobacco-smoke (выбрасывающей облака табачного дыма; *to utter* — издавать звук; произносить; излагать, выражать словами) instead of idle speeches (вместо праздных речей); or Van Bummel (или ван Буммеля), the schoolmaster (школьного учителя) doling forth the contents of an ancient newspaper (постепенно продвигающегося по содержанию старинной газеты; *to dole* — скупно выдавать, раздавать в скудных размерах, раздавать маленькими порциями; *dole* — устар. доля, судьба). In place of these (на их месте), a lean (тощий), bilious-looking fellow (желчно выглядящий: «желчный» малый; *bilious* ['bɪljəs]— желчный; несдержанный, раздражительный), with his pockets full of handbills (с карманами, полными листовок), was haranguing vehemently about rights of citizens (выступал с неистовой речью: «неистово разглагольствовал» о правах граждан; *to harangue* [hə'ɹæŋ] — выступать с речью; рассуждать, разглагольствовать) — elections (выборах) — members of congress (членах конгресса) — liberty (свободе) — Bunker's Hill*² (Бункерс-хилле) — heroes of seventy-six (героях семьдесят шестого) — and other words (и другие слова), which were a perfect Babylonish jargon (которые были чистой вавилонской тарабарщиной = китайской грамотой; *jargon* ['dʒɑːɡən] — жаргон; непонятный язык, тарабарщина) to the bewildered Van Winkle (для сбитого с толку Ван Винкля).

There was, as usual, a crowd of folk about the door, but none that Rip recollected. The very character of the people seemed changed. There was a busy, bustling, disputatious tone about it, instead of the accustomed phlegm and drowsy tranquillity. He looked in vain for the sage Nicholas Vedder, with his broad face,

² Bunker's Hill ['bʌŋkəz hɪl] — возвышенность близ Бостона, на которой 17 июня 1775 года произошло сражение между жителями американских колоний и английскими войсками. В борьбе за независимость победу одержали повстанцы.

double chin, and fair long pipe, uttering clouds of tobacco-smoke instead of idle speeches; or Van Bummel, the schoolmaster doling forth the contents of an ancient newspaper. In place of these, a lean, bilious-looking fellow, with his pockets full of handbills, was haranguing vehemently about rights of citizens — elections — members of congress — liberty — Bunker's Hill — heroes of seventy-six — and other words, which were a perfect Babylonish jargon to the bewildered Van Winkle.

The appearance of Rip (внешность Рипа), with his long grizzled beard (с его длинной седящей бородой), his rusty fowling-piece (ржавым охотничьим ружьем), his uncouth dress (запущенной одеждой; *uncouth* — странный; грубоватый, грубый, неотесанный), and an army of women and children at his heels (и армией женщин и детей позади: «по пятам»), soon attracted the attention of the tavern politicians (вскоре привлекла внимание политиканов таверны). They crowded around him (они столпились вокруг него), eyeing him from head to foot with great curiosity (с большим любопытством оглядывая его с головы до ног). The orator bustled up to him (оратор заторопился к нему; *to bustle up* [*bʌsəl ʌp*] — торопиться), and, drawing him partly aside (и, несколько отведя его в сторонку), inquired (поинтересовался) "on which side he voted (на чьей стороне он голосовал)?" Rip stared in vacant stupidity (Рип уставился /на него/ в полном: «безжизненном/беззвучном» отупении; *vacant* — незанятый, свободный; безжизненный; беззвучный; рассеянный, безучастный, отсутствующий, отрешенный). Another short (другой низкорослый) but busy little fellow pulled him by the arm (но деловой малый дернул его за руку; *to pull* — тянуть), and, rising on tiptoe (и, поднявшись на цыпочки), inquired in his ear (спросил его на ухо; *to inquire* — осведомляться), "Whether he was Federal or Democrat (был ли он федералом или демократом)?"

The appearance of Rip, with his long grizzled beard, his rusty fowling-piece, his uncouth dress, and an army of women and children at his heels, soon attracted the attention of the tavern politicians. They crowded around him, eyeing him from head to foot with great curiosity. The orator bustled up to him, and, drawing him partly aside, inquired "on which side he voted?" Rip stared in vacant stupidity. Another short but busy little fellow pulled him by the arm, and, rising on tiptoe, inquired in his ear, "Whether he was Federal or Democrat?"

Rip was equally at a loss to comprehend the question (Рип все равно никак не мог: «равно был в недоумении» понять этот вопрос); when a knowing (когда значительный), self-important old gentleman (важный пожилой господин), in a sharp cocked hat (в треуголке: «в остро поднятой шляпе»; *to cock* — *поднимать, загибать кверху /как петух свой хвост/*; *cocked hat* — *треуголка /головной убор/*), made his way through the crowd (прошел: «проложил свой путь» сквозь толпу), putting them to the right and left with his elbows (расталкивая их направо и налево своими локтями) as he passed (когда он проходил = проходя), and planting himself before Van Winkle (и, встав перед ван Винклем; *to plant* [*plɑ:nt*] — *сажать /растения/; прочно ставить*), with one arm akimbo (подбоченясь одной рукой; *akimbo* [*ə'kɪmbəʊ*] — *руки в боки, подбоченясь*), the other resting on his cane (а другую положив на свою трость; *to rest* — *покоиться, лежать; класть*), his keen eyes and sharp hat penetrating (/при этом/ его пронизательные глаза и острая шляпа проникали), as it were (как будто), into his very soul (в самую его душу), demanded in an austere tone (потребовал суровым тоном; *austere* [*ɔ'stiə*] — *строгий; аскетический, суровый*), "what brought him to the election with a gun on his shoulder (что принесло его на выборы с ружьем на плече), and a mob at his heels (и с толпой по пятам), and whether he meant to breed a riot in the village (и намеревался ли он вызвать в деревне бунт; *to breed* [*bri:d*] — *вынашивать, высиживать; порождать, вызывать; riot* [*raɪət*] — *бунт, восстание, мятеж*)?" — "Alas!

Gentlemen (увы, господа)," cried Rip (воскликнул Рип), somewhat dismayed (несколько испуганный; *dismay* — *испуг, беспокойство, волнение, смятение; to dismay* — *лишать мужества, силы духа, решимости; пугать, ужасать; приводить в смятение*), "I am a poor quiet man (я бедный, тихий человек), a native of the place (уроженец этого места; *native* [*'neitiv*] — *уроженец; абориген, автохтон, туземец*), and a loyal subject of the king (и верный подданный короля), God bless him (благослови его Бог)!"

Rip was equally at a loss to comprehend the question; when a knowing, self-important old gentleman, in a sharp cocked hat, made his way through the crowd, putting them to the right and left with his elbows as he passed, and planting himself before Van Winkle, with one arm akimbo, the other resting on his cane, his keen eyes and sharp hat penetrating, as it were, into his very soul, demanded in an austere tone, "what brought him to the election with a gun on his shoulder, and a mob at his heels, and whether he meant to breed a riot in the village?" — "Alas! gentlemen," cried Rip, somewhat dismayed, "I am a poor quiet man, a native of the place, and a loyal subject of the king, God bless him!"

Here a general shout burst from the by-standers (тут раздался общий крик зевак: «возле-стоящих»; *to burst* [*bə:st*] — *burst* — *burst* — *лопаться; разрываться; взрываться /о снаряде и т. п./; прорываться; раздражаться; by-stander* [*'baɪ,stændə*] — *свидетель; наблюдатель*) — "A tory (один из тори; *tory* [*'tɔ:ri*] — *английская политическая партия, возникшая в XVII веке, консервативная партия; член консервативной партии*)! a tory (тори)! a spy (шпион)! a refugee (беженец)! hustle him (толкай = *гони* его)! away with him (долой его)!" It was with great difficulty (с большим трудом) that the self-important man in the cocked hat restored order (что важный человек в треуголке восстановил порядок); and, having assumed a tenfold austerity of brow (и,

придав в десять раз более суровое выражение чело; *tenfold* [*ˈtenfəʊld*] — десятикратный; увеличенный в десять раз; усиленный в десять раз; *brow* [*braʊ*] — бровь; лоб, чело), demanded again of the unknown culprit (снова спросил неизвестного виновника; *culprit* [*ˈklɪprɪt*] — обвиняемый; подсудимый; преступник; виновный, правонарушитель), what he came there for (для чего он пришел сюда), and whom he was seeking (и кого он искал)? The poor man humbly assured him (бедняга: «бедный человек» робко заверил его) that he meant no harm (что он не имел в виду ничего дурного; *to mean* [*mi:n*] — *meant* [*ment*] — *meant* — намереваться, иметь в виду; предназначать; думать, подразумевать; *harm* — вред), but merely came there in search of some of his neighbors (а просто пришел сюда в поисках кого-нибудь из соседей), who used to keep about the tavern (которые обычно держались возле таверны).

Here a general shout burst from the by-standers — "A tory! a tory! a spy! a refugee! hustle him! away with him!" It was with great difficulty that the self-important man in the cocked hat restored order; and, having assumed a tenfold austerity of brow, demanded again of the unknown culprit, what he came there for, and whom he was seeking? The poor man humbly assured him that he meant no harm, but merely came there in search of some of his neighbors, who used to keep about the tavern.

"Well (так) — who are they (кто они) — name them (назови их /имена/)."

Rip bethought himself a moment (Рип задумался на мгновение), and inquired (и поинтересовался), "Where's Nicholas Vedder (где Николас Веддер)?"

There was a silence for a little while (некоторое время стояла тишина: «там была тишина некоторое время»), when an old man replied (затем один старик ответил), in a thin piping voice (тонким визгливым голосом; *piping* [*'paɪpɪŋ*] — писклявый, пронзительный, резкий; визгливый), "Nicholas Vedder (Николас Веддер)! Why (так), he is dead and gone these eighteen years (он умер и ушел в мир иной уже как восемнадцать лет: «эти восемнадцать лет»)! There was a wooden tombstone in the church-yard (там было деревянное надгробие на церковном дворе; *tombstone* [*'tu:mstəʊn*] — могильная, надгробная плита, памятник; *tomb* — могила) that used to tell all about him (которое, бывало, говорило о нем), but that's rotten (но оно сгнило; *to rot* — гнить) and gone too (и сгинуло: «ушло» тоже)."

"Well — who are they — name them."

Rip bethought himself a moment, and inquired, "Where's Nicholas Vedder?"

There was a silence for a little while, when an old man replied, in a thin piping voice, "Nicholas Vedder! why, he is dead and gone these eighteen years! There was a wooden tombstone in the church-yard that used to tell all about him, but that's rotten and gone too."

"Where's Brom Dutcher (где Бром Дутчер)?"

"Oh, he went off to the army in the beginning of the war (о, он ушел в армию в начале войны); some say (кто-то говорит, /что/) he was killed at the storming of Stony Point³ (он был убит при штурме Стони Пойнт) — others say (другие

³ Stony Point [*'stəʊni pɔɪnt*] — 15 июля 1779 генерал Энтони Уэйн (Anthony Wayne) атаковал британское укрепление на полуострове Стони Пойнт.

говорят, /что/) he was drowned in a squall at the foot of Antony's Nose⁴ (он утонул во время бури у подножья Энтони Ноуз). I don't know (я не знаю) — he never came back again (он так никогда и не вернулся: «он никогда не вернулся снова»)."

"Where's Brom Dutcher?"

"Oh, he went off to the army in the beginning of the war; some say he was killed at the storming of Stony Point — others say he was drowned in a squall at the foot of Antony's Nose. I don't know — he never came back again."

"Where's Van Bummel (где ван Буммель), the schoolmaster (школьный учитель)?"

"He went off to the wars too (он тоже ушел на войну), was a great militia general (стал важным генералом народного ополчения; *militia* [mɪˈlɪʃə] — милиция; народное ополчение; милиционная армия; граждане, которые могут быть призваны на военную службу), and is now in congress (а теперь в конгрессе)."

"Where's Van Bummel, the schoolmaster?"

"He went off to the wars too, was a great militia general, and is now in congress."

⁴ Antony's Nose [ˈæntənɪz nəʊz] — горная вершина в долине реки Гудзон на севере графства Вестчестер (Westchester), штат Нью-Йорк. Согласно легенде, гора названа в честь человека, чья форма носа походила на очертания вершины.

Rip's heart died away (сердце Рипа замерло) at hearing of these sad changes in his home and friends (слыша об этих грустных переменах /произошедших/ у него дома и с его друзьями) and finding himself thus alone in the world (и оказываясь: «находя себя» таким одиноким в мире; *thus* [ðʌs] — так, таким образом; в соответствии, соответственно; до такой степени). Every answer puzzled him too (каждый ответ его также ставил в тупик), by treating of such enormous lapses of time (относясь = так как относился к такому большому промежутку времени), and of matters (и к делам) which he could not understand (которые он не мог понять): war (война) — congress (конгресс) — Stony Point (Стони Пойнт) —, — he had no courage to ask after any more friends (ему не хватило: «не имел никакой» храбрости расспросить еще о других друзьях), but cried out in despair (но только закричал в отчаянии), "Does nobody here know Rip Van Winkle (неужели никто здесь не знает Рипа ван Винкля)?"

"Oh, Rip Van Winkle! (о, Рип ван Винкль)" exclaimed two or three (воскликнули двое или трое; *to exclaim* [iks'kleɪm] — восклицать), "Oh, to be sure (о, несомненно)! that's Rip Van Winkle yonder (это вон там /стоит/ Рип ван Винкль; *yonder* ['jɒndə] — вон тот; вон там; в ту сторону), leaning against the tree (прислонившись к дереву)."

Rip's heart died away at hearing of these sad changes in his home and friends, and finding himself thus alone in the world. Every answer puzzled him too, by treating of such enormous lapses of time, and of matters which he could not understand: war — congress — Stony Point —, — he had no courage to ask after any more friends, but cried out in despair, "Does nobody here know Rip Van Winkle?"

"Oh, Rip Van Winkle!" exclaimed two or three, "Oh, to be sure! that's Rip Van Winkle yonder, leaning against the tree."

Rip looked (Рип посмотрел), and beheld a precise counterpart of himself (и увидел точную копию самого себя; *to behold* [br'həʊld] — *beheld* [br'held] — *beheld* — видеть, замечать; пристально смотреть, вглядываться; *precise* [pri'saɪz] — точный; определенный; членораздельный, отчетливый; *counterpart* ['kaʊntəpa:t] — дубликат, копия; двойник), as he went up to the mountain (каким он поднялся в гору): apparently as lazy (по-видимому, столь же ленивый), and certainly as ragged (и, несомненно, столь же оборванный). The poor fellow was now completely confounded (бедный малый был окончательно приведен в замешательство; *to confound* [kən'faʊnd] — мешать; запутывать; смущать, приводить в замешательство, ставить в тупик). He doubted his own identity (он засомневался в собственной личности; *to doubt* [daʊt] — бояться; подозревать; сомневаться, не доверять; *identity* [aɪ'dentɪti] — идентичность, тождество; подлинность; личность), and whether he was himself (и был ли он самим собой) or another man (или другим человеком). In the midst of his bewilderment (/когда он находился/ на вершине: «посреди» своего замешательства; *bewilderment* ['bi'wɪldəmənt] — смущение; замешательство; недоумение; неясность, путаница), the man in the cocked hat demanded (человек в треуголке спросил) who he was (кто он был), and what was his name (и как было его имя)?

Rip looked, and beheld a precise counterpart of himself, as he went up to the mountain: apparently as lazy, and certainly as ragged. The poor fellow was now completely confounded. He doubted his own identity, and whether he was himself or another man. In the midst of his bewilderment, the man in the cocked hat demanded who he was, and what was his name?

"God knows (Бог /его/ знает)," exclaimed he (воскликнул он), at his wit's end (не зная, что делать: «на концах ума»); "I'm not myself (я — это не я сам) — I'm somebody else (я кто-то другой) — that's me yonder (я вон там) — no (нет) — that's somebody else (там кто-то другой) got into my shoes (занявший мое место: «забравшийся в мои туфли») — I was myself last night (я был собой прошлой ночью), but I fell asleep on the mountain (но я уснул на горе), and they've changed my gun (а они подменили мое ружье), and every thing's changed (и все изменилось), and I'm changed (и я изменился), and I can't tell (и я не могу сказать) what's my name (какое у меня имя), or who I am (или кто я есть)!"

"God knows," exclaimed he, at his wit's end; "I'm not myself — I'm somebody else — that's me yonder — no — that's somebody else got into my shoes — I was myself last night, but I fell asleep on the mountain, and they've changed my gun, and every thing's changed, and I'm changed, and I can't tell what's my name, or who I am!"

The by-standers began now to look at each other (зеваки начали теперь смотреть друг на друга), nod (кивать), wink significantly (подмигивать многозначительно; *significant* [sig'nɪfɪkənt] — значительный, важный, существенный; многозначительный; выразительный), and tap their fingers against their foreheads (и стучать своими пальцами по лбам; *forehead* ['fɔrɪd] — лоб). There was a whisper, also (кто-то также зашептал: «там был шепот также»; *whisper* ['wɪspə] — шепот; молва; намек), about securing the gun (о том, что нужно завладеть ружьем: «о завладении ружьем»; *to secure* [sɪ'kjʊə] — охранять; защищать; обеспечивать безопасность; страховать; завладевать), and keeping the old fellow from doing mischief (и удерживать

старика от злодеяния; *mischief* [ˈmɪʃɪf] — вред; убытки; беда, зло; озорство, проказы), at the very suggestion of which (при самом намеке о котором; *to suggest* [səˈdʒest] — советовать; предлагать; намекать) the self-important man in the cocked hat retired (важный человек в треуголке отступил) with some precipitation (с некоторой поспешностью). At this critical moment (в этот критический момент) a fresh comely woman pressed through the throng (свежая: «молодая» миловидная женщина прорвалась сквозь толпу; *fresh* [freʃ] — свежий; натуральный; чистый; только что появившийся; дополнительный; *comely* [ˈkɒmli] — привлекательный, миловидный, хорошенький; *throng* [θrɒŋ] — толпа, толча; множество, скопление) to get a peep at the gray-bearded man (поглядеть на седобородого мужчину; *peep* [pi:p] — беглый взгляд; тайный взгляд, взгляд украдкой). She had a chubby child in her arms (у нее на руках был толстощекий ребенок; *chubby* [ˈtʃʌbi] — круглолицый; полнощекий), which, frightened at his looks (который, испугавшись его вида), began to cry (начал плакать). "Hush, Rip (тише, Рип; *hush* [hʌʃ] — ш-ш!, тс!, тише!, замолчи!)," cried she (вскричала она), "hush, you little fool (тише ты, маленький дурачок); the old man won't hurt you (старичок не обидит тебя; *to hurt* [hɜ:t] — hurt — hurt — причинять боль; ранить; перен. обижать; задевать)." The name of the child (имя ребенка), the air of the mother (вид его матери), the tone of her voice (тон ее голоса), all awakened a train of recollections in his mind (все пробудило шлейф воспоминаний в его мозгу; *to awake* [əˈweɪk] — *awoke* [əˈwɒk] — *awaken* [əˈweɪkn] — будить; пробуждать; *train* — шлейф /платья/; длинный хвост /навлины, кометы/; *to train* — тянуть, тащить). "What is your name, my good woman (как твое имя, любезная: «моя хорошая женщина»)" asked he (спросил он).

"Judith Gardenier (Джудит Гарденир)."

"And your father's name (а имя твоего отца)?"

The by-standers began now to look at each other, nod, wink significantly, and tap their fingers against their foreheads. There was a whisper, also, about securing the gun, and keeping the old fellow from doing mischief, at the very suggestion of which the self-important man in the cocked hat retired with some precipitation. At this critical moment a fresh comely woman pressed through the throng to get a peep at the gray-bearded man. She had a chubby child in her arms, which, frightened at his looks, began to cry. "Hush, Rip," cried she, "hush, you little fool; the old man won't hurt you." The name of the child, the air of the mother, the tone of her voice, all awakened a train of recollections in his mind. "What is your name, my good woman?" asked he.

"Judith Gardenier."

"And your father's name?"

"Ah, poor man (ах, бедняга), Rip Van Winkle was his name (Рип ван Винклъ было его имя), but it's twenty years since (но уже двадцать лет с тех пор, как) he went away from home with his gun (он ушел из дому со своим ружьем), and never has been heard of since (и ничего: «никогда» о нем не было слышно с тех пор) — his dog came home without him (его собака пришла домой без него); but whether he shot himself (но или он застрелил себя; *to shoot* — *стрелять*), or was carried away by the Indians (или был унесен = *уведен* индейцами), nobody can tell (никто не может сказать). I was then but a little girl (я была тогда всего лишь маленькой девочкой)."

"Ah, poor man, Rip Van Winkle was his name, but it's twenty years since he went away from home with his gun, and never has been heard of since — his dog came

home without him; but whether he shot himself, or was carried away by the Indians, nobody can tell. I was then but a little girl."

Rip had but one question more to ask (у Рипа был еще один вопрос, который надо было задать: «спросить»); but he put it with a faltering voice (но он задал его дрожащим голосом; *to falter* [*ˈf ɔːltə*] — спотыкаться; ковылять; заикаться; колебаться):

"Where's your mother (где твоя мать)?"

"Oh, she too had died (о, она тоже умерла) but a short time since (спустя короткое время = вскоре после этого); she broke a blood-vessel (у нее лопнул кровеносный сосуд) in a fit of passion (в разгаре вспышки гнева; *passion* [*ˈpæʃ(ə)n*] — страсть; взрыв чувств; вспышка гнева) at a New-England peddler (на торговца из Новой Англии; *peddler* [*ˈpedlə*] — коробейник; разносчик; розничный торговец)."

Rip had but one question more to ask; but he put it with a faltering voice:

"Where's your mother?"

"Oh, she too had died but a short time since; she broke a blood-vessel in a fit of passion at a New-England peddler."

There was a drop of comfort, at least (по крайней мере, там была капля утешения), in this intelligence (в этой новости; *intelligence* [*inˈtelɪdʒ(ə)ns*] — интеллект; сообразительность; информация, сведения). The honest man could contain himself no longer (честный человек не смог себя больше

сдерживать). He caught his daughter and her child in his arms (он поймал: «заклучил» свою дочь и ее ребенка в объятия). "I'm your father (я твой отец)!" cried he (вскрикнул он) — "Young Rip Van Winkle once (однажды молодой Рип ван Винкль) — old Rip Van Winkle now (старый Рип ван Винкль сейчас)! — Does nobody know poor Rip Van Winkle (разве никто не знает бедного Рипа ван Винкля)?"

There was a drop of comfort, at least, in this intelligence. The honest man could contain himself no longer. He caught his daughter and her child in his arms. "I'm your father!" cried he — "Young Rip Van Winkle once — old Rip Van Winkle now! — Does nobody know poor Rip Van Winkle?"

All stood amazed (все стояли ошеломленные), until an old woman (пока одна старушка: «старая женщина»), tottering out from among the crowd (дрожащей походкой вышедшая из толпы), put her hand to her brow (/не/ приложила руку к глазам: «бровям»), and peering under it in his face for a moment (и вглядываясь из-под нее в его лицо некоторое время), exclaimed (воскликнула), "Sure enough (точно достаточно = это точно так)! it is Rip Van Winkle (это Рип ван Винкль) — it is himself (это он сам)! Welcome home again (добро пожаловать опять домой), old neighbor (старый сосед) — Why, where have you been these twenty long years (ну, где же ты был эти двадцать долгих лет)?"

All stood amazed, until an old woman, tottering out from among the crowd, put her hand to her brow, and peering under it in his face for a moment, exclaimed, "Sure enough! it is Rip Van Winkle — it is himself! Welcome home again, old neighbor — Why, where have you been these twenty long years?"

Rip's story was soon told (история Рипа была рассказана быстро), for the whole twenty years had been to him but as one night (так как целые двадцать лет были для него, как одна ночь). The neighbors stared (соседи уставились /на него/) when they heard it (когда они слышали ее /т.е. историю/); some were seen to wink at each other (было видно, как некоторые подмигивали друг другу), and put their tongues in their cheeks (и прикладывали языки изнутри к щекам): and the self-important man in the cocked hat (и важный человек в треуголке), who (который), when the alarm was over (когда переполох закончился; *alarm* — /боевая/ тревога, сигнал тревоги), had returned to the field (вернулся на поле /боя/), screwed down the corners of his mouth (скривил уголки рта; *to screw* — завинчивать), and shook his head (и покачал головой) — upon which (сразу после чего) there was a general shaking of the head throughout the assemblage (было всеобщее качание головами по всему собранию = все собравшиеся закачали головами).

Rip's story was soon told, for the whole twenty years had been to him but as one night. The neighbors stared when they heard it; some were seen to wink at each other, and put their tongues in their cheeks: and the self-important man in the cocked hat, who, when the alarm was over, had returned to the field, screwed down the corners of his mouth, and shook his head — upon which there was a general shaking of the head throughout the assemblage.

It was determined, however (тем не менее, было решено; *however* [*hav'evə*] — однако; тем не менее), to take the opinion of old Peter Vanderdonk (узнать мнение старого Питера Вандердонка), who was seen slowly advancing up the road (которого увидели медленно идущим по дороге: «который был виден

медленно продвигающимся по дороге»; *to advance* [ə'da:vns] — *двигать/ся/вперед; продвигать; наступать*). He was a descendant of the historian of that name (он был потомком историка с тем же именем), who wrote one of the earliest accounts of the province (который написал одно из первых описаний: «отчетов» этой провинции). Peter was the most ancient inhabitant of the village (Питер был самым древним жителем деревни), and well versed in all the wonderful events (и хорошо осведомленным о всех чудесных событиях; *versed* [vɜ:st] — *опытный, сведущий*) and traditions of the neighborhood (и обычаях окрестностей). He recollected Rip at once (он сразу же вспомнил Рипа), and corroborated his story in the most satisfactory manner (и подтвердил его историю самым удовлетворительным образом). He assured the company (он заверил собравшихся) that it was a fact (что это был факт), handed down from his ancestor the historian (доставшийся по наследству от его предка-историка), that the Kaatskill mountains (что Каатскиллские горы) had always been haunted by strange beings (всегда были населены странными существами; *to haunt* [hɜ:nt] — *часто заезжать/проводать, навещать /какое-л. место, людей и т. п./; бывать /где-л./; /о привидении/ жить, обитать; являться*).

It was determined, however, to take the opinion of old Peter Vanderdonk, who was seen slowly advancing up the road. He was a descendant of the historian of that name, who wrote one of the earliest accounts of the province. Peter was the most ancient inhabitant of the village, and well versed in all the wonderful events and traditions of the neighborhood. He recollected Rip at once, and corroborated his story in the most satisfactory manner. He assured the company that it was a fact, handed down from his ancestor the historian, that the Kaatskill mountains had always been haunted by strange beings.

That it was affirmed (что утверждалось) that the great Hendrick Hudson (что великий Гендрик Гудзон), the first discoverer of the river and country (первооткрыватель этой реки и страны), kept a kind of vigil there every twenty years (нес: «держал» своего рода стражу там каждые двадцать лет; *vigil* [*ˈvɪdʒɪl*] — ночная стража, бодрствование; поэт. устар. стража), with his crew of the Half-moon (со своей командой «Полумесяца»); being permitted in this way (имея возможность таким образом: «будучи таким образом допущен») to revisit the scenes of his enterprise (снова посещать места его смелых предприятий), and keep a guardian eye upon the river (и /не/ спускал охраняющего взора с реки), and the great city called by his name (и большого города, названного его именем). That his father had once seen them (что его отец однажды видел их) in their old Dutch dresses (в их старых голландских платьях) playing at nine-pins in a hollow of the mountain (играющих в кегли в долине: «в выемке» в горах); and that he himself had heard (и что он сам слышал), one summer afternoon (одним летним днем), the sound of their balls (звук их шаров), like distant peals of thunder (подобный далеким раскатам грома).

That it was affirmed that the great Hendrick Hudson, the first discoverer of the river and country, kept a kind of vigil there every twenty years, with his crew of the Half-moon; being permitted in this way to revisit the scenes of his enterprise, and keep a guardian eye upon the river, and the great city called by his name. That his father had once seen them in their old Dutch dresses playing at nine-pins in a hollow of the mountain; and that he himself had heard, one summer afternoon, the sound of their balls, like distant peals of thunder.

To make a long story short (короче: «делая длинную историю короткой»), the company broke up (толпа разошлась; *to break* — ломать; *to break up* —

распадаться, разваливаться), and returned to the more important concerns of the election (и вернулась к более важным делам выборов; *concern* — отношение, касательство; *concerns* — дела, деловые отношения). Rip's daughter took him home (дочь Рипа взяла его с собой домой) to live with her (жить у нее); she had a snug (у нее был уютный), well-furnished house (хорошо обставленный: «меблированный» дом), and a stout cheery farmer for a husband (и плотный веселый фермер в качестве мужа; *stout* — крепкий, плотный; дородный, полный, тучный), whom Rip recollected for one of the urchins (/в/ котором Рип признал одного из тех пострелов) that used to climb upon his back (которые когда-то карабкались на его спину). As to Rip's son and heir (что касается сына и наследника Рипа), who was the ditto of himself (который был точной копией его самого; *ditto* [*'ditəv*] — то же самое; разг. дубликат, точная копия), seen leaning against the tree (которого видели прислонившимся к дереву), he was employed to work on the farm (его наняли работать на ферме); but evinced an hereditary disposition to attend to any thing else (но /он/ ясно показывал наследственную склонность заниматься чем угодно; *to evince* — ясно показывать; делать очевидным; выказывать, проявлять; демонстрировать) but his business (кроме его дела = кроме порученного ему дела).

To make a long story short, the company broke up, and returned to the more important concerns of the election. Rip's daughter took him home to live with her; she had a snug, well-furnished house, and a stout cheery farmer for a husband, whom Rip recollected for one of the urchins that used to climb upon his back. As to Rip's son and heir, who was the ditto of himself, seen leaning against the tree, he was employed to work on the farm; but evinced an hereditary disposition to attend to any thing else but his business.

Rip now resumed his old walks and habits (Рип теперь возобновил свои старые походы и привычки); he soon found many of his former cronies (он вскоре нашел многих из своих бывших закадычных друзей; *crony* [*ˈkrəʊni*] — близкий, закадычный друг), though all rather the worse for the wear and tear of time (хотя все /стали/, пожалуй, хуже от передряг времени; *wear* — износ; *tear* — раздробление, разрывание; *to wear* — изнашивать; *to tear* — рвать); and preferred making friends among the rising generation (и /он/ предпочел заводить друзей среди подрастающего поколения), with whom he soon grew into great favor (у которого он скоро снискал большое расположение; *to grow into* [*grəʊɪntə*] — свыкаться, привыкать; превращаться; перерастать).

Rip now resumed his old walks and habits; he soon found many of his former cronies, though all rather the worse for the wear and tear of time; and preferred making friends among the rising generation, with whom he soon grew into great favor.

Having nothing to do at home (так как ему нечего было делать дома: «не имея ничего делать дома»), and being arrived at that happy age (и так как он достиг: «и достигнув» того счастливого возраста) when a man can be idle with impunity (когда человек может бездельничать: «быть праздным» с безнаказанностью), he took his place once more on the bench at the inn door (он снова занял свое место на скамейке у двери гостиницы), and was revered as one of the patriarchs of the village (и был почитаем как один из патриархов деревни), and a chronicle of the old times (и как хроника старого времени) "before the war (до войны)." It was some time (прошло некоторое время) before he could get into the regular track of gossip (прежде чем он смог войти в обычную стезю сплетен; *track* [*træk*] — след, отпечаток; перен. жизненный путь, стезя), or could be made to comprehend the strange events (или /его/

смогли заставить понять странные события) that had taken place during his torpor (которые имели место за время его оцепенения). Now that there had been a revolutionary war (как так /получилось, что/ была революционная война) — that the country had thrown off the yoke of old England (и что страна сбросила иго старой Англии) — and that (и что), instead of being a subject of his majesty George the Third (вместо того, чтобы быть подданным его величества Георга Третьего), he was now a free citizen of the United States (он сейчас был свободным гражданином Соединенных Штатов).

Having nothing to do at home, and being arrived at that happy age when a man can be idle with impunity, he took his place once more on the bench at the inn door, and was revered as one of the patriarchs of the village, and a chronicle of the old times "before the war." It was some time before he could get into the regular track of gossip, or could be made to comprehend the strange events that had taken place during his torpor. Now that there had been a revolutionary war — that the country had thrown off the yoke of old England — and that, instead of being a subject of his majesty George the Third, he was now a free citizen of the United States.

Rip, in fact, was no politician (Рип, на самом деле, не был политиком); the changes of states and empires (изменения государств и империй) made but little impression on him (производили на него мало впечатлений); but there was one species of despotism (но там была одна представительница: «особь» деспотизма) under which he had long groaned (под чьим /гнетом/ он долго страдал), and that was — petticoat government (и это было правительство юбки). Happily that was at an end (к счастью, ему пришел конец); he had got his neck out of the yoke of matrimony (он выпряг свою шею из ярма: «ига» супружества), and could go in and out (и мог приходить и уходить) whenever

he pleased (когда ему этого хотелось), without dreading the tyranny of Dame Van Winkle (не опасаясь тирании хозяйки ван Винкль). Whenever her name was mentioned (каждый раз, когда упоминалось ее имя), however (тем не менее), he shook his head (он тряс головой), shrugged his shoulders (пожимал плечами), and cast up his eyes (закатывал глаза); which might pass either for an expression of resignation to his fate (что могло проходить = *восприниматься* либо как выражение покорности своей судьбе), or joy at his deliverance (либо как радость по поводу своего избавления).

Rip, in fact, was no politician; the changes of states and empires made but little impression on him; but there was one species of despotism under which he had long groaned, and that was — petticoat government. Happily that was at an end; he had got his neck out of the yoke of matrimony, and could go in and out whenever he pleased, without dreading the tyranny of Dame Van Winkle. Whenever her name was mentioned, however, he shook his head, shrugged his shoulders, and cast up his eyes; which might pass either for an expression of resignation to his fate, or joy at his deliverance.

He used to tell his story to every stranger (он привык рассказывать свою историю каждому незнакомцу) that arrived at Mr. Doolittle's hotel (который прибывал в гостиницу мистера Дулитла). He was observed (было замечено, что он), at first (сначала), to vary on some points (изменяет /историю/ в некоторых местах) every time he told it (каждый раз, когда рассказывает ее), which was, doubtless (что было, несомненно), owing to his having so recently awaked (из-за того, что он так недавно пробудился; *recently* ['ri:səntli] — недавно, на днях, в последнее время). It at last settled down (эта история в конце концов свелась; *to settle down* ['setl daʊn] — успокаиваться, уgomониться, приходить в норму) precisely to the tale (точно = именно к тому

повествованию) I have related (которое я рассказал), and not a man (и /не было/ ни одного мужчины), woman (женщины), or child in the neighborhood (или ребенка в окрестностях), but knew it by heart (кто бы /не/ знал ее на зубок; *by heart* — *наизусть, на память*). Some always pretended to doubt the reality of it (некоторые всегда утверждали, что сомневаются в ее реальности; *to pretend* — *притворяться*), and insisted (и настаивали) that Rip had been out of his head (что Рип выжил из ума), and that this was one point (и что это был единственный пункт) on which he always remained flighty (на котором он всегда оставался немного помешанным; *flighty* — *непостоянный, изменчивый; ветреный, капризный, взбалмошный; переменный*).

He used to tell his story to every stranger that arrived at Mr. Doolittle's hotel. He was observed, at first, to vary on some points every time he told it, which was, doubtless, owing to his having so recently awaked. It at last settled down precisely to the tale I have related, and not a man, woman, or child in the neighborhood, but knew it by heart. Some always pretended to doubt the reality of it, and insisted that Rip had been out of his head, and that this was one point on which he always remained flighty.

The old Dutch inhabitants (старые голландские поселенцы), however (тем не менее), almost universally gave it full credit (почти единодушно давали ей /истории/ полную веру = верили ей вполне). Even to this day (даже по сегодняшний день) they never hear a thunderstorm of a summer afternoon about the Kaatskill (они никогда не слышат грозу в летний полдень над Каатскиллскими горами), but they say (не говоря /при этом, что/) Hendrick Hudson and his crew are at their game of nine-pins (это Гендрик Гудзон и его команда играют в кегли: «за игрой в кегли»); and it is a common wish (и это является обычным желанием) of all henpecked husbands in the neighborhood (всех мужей-подкаблучников в окрестностях), when life hangs heavy on their hands (когда жизнь повисает тяжким /грузом/ на их руках), that they might

have a quieting draught out of Rip Van Winkle's flagon (что они могли бы получить успокаивающий глоток из графина Рипа ван Винкля).

The old Dutch inhabitants, however, almost universally gave it full credit. Even to this day they never hear a thunderstorm of a summer afternoon about the Kaatskill, but they say Hendrick Hudson and his crew are at their game of nine-pins; and it is a common wish of all henpecked husbands in the neighborhood, when life hangs heavy on their hands, that they might have a quieting draught out of Rip Van Winkle's flagon.